



Продолжение романа Избранник

Демо-версия

Издание четвёртое: 2486A9453A0A42AD-pdf

Copyright **Parrosiab Group** © 2020

All Rights Reserved

Фантастический роман «Лекарство от любви» является продолжением романа «Избранник», в котором главный герой оказался в невероятной ситуации, заставившей его копаться в своём внутреннем мире и пытаться раскрыть реальные, но необыкновенные внутренние возможности, которые помогли преодолеть многие трудности на пути к победе над самим собой и глобальной страшной катастрофой.

Оглавление

ПРОЛОГ	3
ПЕРВАЯ ГЛАВА	5
ВТОРАЯ ГЛАВА	13
ТРЕТЬЯ ГЛАВА	19
ЧЕТВЁРТАЯ ГЛАВА	34
ПЯТАЯ ГЛАВА	38
ШЕСТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
СЕДЬМАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ВОСЬМАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ДЕВЯТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ДЕСЯТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ДВЕНАДЦАТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ТРИНАДЦАТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ПЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ШЕСТНАДЦАТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
СЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ВОСЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ДВАДЦАТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ТРИДЦАТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
СОРОКОВАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
СОРОК ПЕРВАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
СОРОК ВТОРАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
СОРОК ТРЕТЬЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
СОРОК ЧЕТВЁРТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
СОРОК ПЯТАЯ ГЛАВА	Error! Bookmark not defined.
ЭПИЛОГ	Error! Bookmark not defined.

ПРОЛОГ

Человечество ропщет в своём Одиночестве, не умея принорочиться к непримиримым закономерностям непонятой Вселенной. Оно блуждает в поиске Неведомого, и тщетно пытается познать Непознаваемое, достичь Недостижимое, объять Необъятное и измерить Бесконечное. Однако, безнадежно погрязнув в Суете, оно, пожалуй, потеряло главное – способность ощущать Необыкновенное. Веру подменяет привычками, Надежду – желаниями, Любовь – болезненной страстью и похотью. Куда делась Покорность? Где – Всепрощение? Почему дремлет опустевшее Сердце?

Давно пора понять: как никогда прежде, Человечество нуждается в Очищении. И ошибочно полагать, что такое очищение могут принести войны, болезни, и природные катаклизмы. Этого без меры хватало в предыдущие эпохи, и кажется, нет им конца и края. Однако, Человечество чище не стало. Потому что войны, болезни, и природные катаклизмы несут отнюдь не Очищение. Они несут Разруху, Опустошение, Отчаяние, и Боль. Аристотель утверждал, что Очищение, или по-другому Катарсис, достигается духовной разрядкой при сопереживании. Но это только часть правды. Полное Очищение Человечеству могут принести безграничная Терпимость в Вере, безусловное Смирение в Надежде, и беззаветная Преданность в Любви. Вера, Надежда, Любовь.

Веровать и знать, не одно и то же. Знание – очередное заблуждение, очередная иллюзия. А Вера – это не только убеждение, и не столько религиозная догма, сколько некий, усталый терниями Путь к самоосвобождению. Вера – это мука сомнений и непорочность размышлений, свобода поиска, и торжество компромиссов. И Надежда – не только ожидание благоприятного, сколько глубокое ощущение Истины, желание приобщиться к ней.

Однако, из трёх вышеуказанных факторов Очищения, наибольшие эмоции у Человечества вызывает Любовь. Любовь – это непередаваемая гармония человеческих душ. Но Любовью называют также Секс, Привязанность, и Привычку. С Любовью связывают Патологическое Извращение и Азарт, Пристрастие и Похоть. И возвышенное, и низменное сопровождает влюблённых. Ради Любви люди способны на Самопожертвование и Подлость, на Подвиг и Предательство, на Благоедеяние и Убийство. Однако, состояние Любви, когда человек счастлив тем, что способен давать, не требуя ничего взамен, лишено

подобных противоречий. Находясь в этом состоянии, человек не способен предавать, обманывать и убивать, не способен чинить злодеяния, и совершать преступления. Именно, возвышенное состояние Любви может принести Очищение. А не как ошибочно полагают многие, чувство Любви. Ведь, Чувство, как и Знание, подвержено Иллюзиям. А что может быть обманчивее Иллюзий?

Мудрецы говорят, что «от Любви до Ненависти – один шаг». Это не о состоянии Любви, об эмоциях. В состоянии Любви, сколько бы шагов ни сделал, и в каком бы направлении не шёл, всё одно – Любовь. Но мудрецы по-своему правы. Не умеем мы любить бескорыстно. Наши чувства переполнены эмоциями. Любовь и Ненависть! Ненависть и Любовь! И не всегда Любовь оказывается победительницей. Ведь, Человек, в сущности своей, несовершенен. Как несовершенна сама Вселенная.

В таком случае, стоит ли постигать гармонию Любви? Стоит ли стремиться к Совершенству? Каждый вправе поступить по-своему. Но спасение Человечества в руках тех, и только тех, кто выбрал Самоотречение, кто выбрал Любовь. Ибо, сказано: «любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас»¹. Так заповедал Спаситель, распятый на Кресте человеческой Ненависти.

Чтобы видеть, мало иметь глаза. Чтобы слышать, недостаточно ушей. Осязание не всегда даёт истинное представление о предмете. Даже оказавшись перед Священными Вратами Безграничных Возможностей, мы по-прежнему оказываемся слепы, глухи и невежественны. Потому что Истинная Реальность находится там, за Священными Вратами, сокрытыми завесой Божественного Вдохновения. Как открыть их, как оказаться по другую сторону Реальности, на истинном Пути к Спасению?

Если кто-то решил, что Священные Врата открываются при помощи гипотетического Божественного Камня, мол, достаточно взять в руки этот Чудо-Камень, и готово, Врата откроются, он ошибается. Не верьте. Божественный Камень, если он существует в действительности, не откроет Священных Врат. Он предназначен совсем для другой цели. В своей Великой Миссии он помогает Ищущему осознать себя, Страждущему насытиться знаниями, Бедному духом – возвыситься. Нам всем не хватает Жизни, чтобы стать равными Спасителю, чтобы приблизиться к нему Духом своим и Верой. Но только в конце Пути мы вдруг осознаем, что

¹ Евангелие От Матфея гл.5.44.

виновато в этом совсем не Время. Виновато Самолюбие, Эгоизм, Неверие, Лень.

Священные Двери, которые могут спасти нас, допустив в святая святых Мироздания, эту Святыню Всеобъемлющей Любви, во избежание осквернения закрыты наглухо. И мы постоянно ищем Ключи от этих Врат, не осознавая, что Ключи находятся в нас самих.

Остановись, Путник, загляни в свою Душу. Не в этом ли главное Откровение? Ведь, вполне может быть, что спасение Человечества зависит вовсе не от пришествия в наш мир некоего абстрактного Мессии. Не зависит ли оно от пришествия Мессии внутри тебя самого?

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Андрэ зажмурился, вытянул руку вперёд, боль из сердца исчезла вместе со звоном в ушах, тело наливалось непонятной энергией и силой, которой с давних пор не испытывал. Он удивлённо открыл глаза, и увидел тот самый Божественный камень, в существовании которого много лет сомневался. Вдруг прояснившееся сознание отказалось это правдой признать, но обострившееся зрение не обманывало – камень существует.

«Наверно, галлюцинация», - разочарованно подумал Андрэ, и крепко зажмурил глаза. Тем более, что напротив сидел незнакомец. Впрочем, нет. Не нужно себе лгать. Это тот самый Старик, от которого он получил Божественный камень. Живой и невредимый. Будто время действительно не властно над этим человеком. Андрэ хотел себя ущипнуть, и вдруг понял, что его собственное тело невероятно помолодело. К тому же каким-то непостижимым образом он оказался не в своём привычном кабинете, а в незнакомой комнате. Пальцы рук продолжали ощущать отполированные грани удивительного, сияющего магическим светом камня, который никуда не исчезал.

- Чертовщина какая-то, - пробормотал поражённый Андрэ, и стал сгибать и разгибать суставы вдруг наполнившихся энергией рук.

- Вот-вот, - подтвердил Старик, который с интересом наблюдал за реакцией помолодевшего Андрэ, - такова была моя реакция после первого возвращения.

Андрэ напряжённо осмотрелся. Обстановка комнаты показалась знакомой. Когда-то и где-то он видел эту комнату. Старинная мебель,

ковры на полу, картины в золочёных рамах. Как будто ему уже приходилось быть когда-то здесь, но когда?

- Где я? - спросил он, растерянно озираясь по сторонам.

- Там же, где был перед созданием своего мира, - гордо провозгласил Старик.

- О чём вы говорите? - возмутился потрясённый Андрэ.

- Включи мозги, Андрей, - криво усмехнулся Старик.

Андрей. Так его уже давно никто не называл. Он привык, что многие годы его называли Андрэ, мсье Андрэ. Но ведь когда-то он был Андреем. Вот только так не бывает. Такого даже быть не может. Андрэ вдруг потерял контроль над собой, и сорвался на крик:

- Верните меня туда, где я был! Я не позволю производить экспериментов над собой!

- К сожалению, это невозможно, - грустно ответил Старик, и монотонно покачал головой. - Если ты вернулся сюда, значит в мире, который создан тобой, как ни трудно с этим свыкнуться, ты умер. К этому тоже привыкнешь. Тебе предстоит создать множество миров, прожить несчётное количество жизней, но в конце концов ты обречён всегда возвращаться в тот самый момент, с которого все начиналось. И так будет до тех пор, пока не найдёшь Ключа к Священным Дверям, за которыми Человечество найдёт долгожданное Спасение.

- Так не бывает, - отчаянно выпалил Андрэ.

- К сожалению, молодой человек, бывает, - грустно ответил Старик. - И это не праздное приключение. Это огромная, непосильная для обычных людей ответственность, которая ложится... уже легла на твои плечи. Тебе нужно в спокойной обстановке разобраться во всём самому. А сейчас иди.

- Куда? - растерялся Андрэ. - Куда идти?

- Для начала в газетный киоск. Купи там пару газет, чтобы вспомнить то время, в котором живёшь. Небось, позабыл всё?

- Что позабыл? - с возмущением воскликнул Андрэ. - Прекрасно всё помню.

- Едва ли ты всё помнишь, - твёрдо повторил Старик. - Ты уже привык жить другой жизнью, и сейчас придётся на ходу перестраиваться. Иди, Андрей. Я всё сказал.

- Я никуда не пойду.

- Пойдёшь, - твёрдо повторил Старик. - И вот, возьми.

Он протянул Андрэ кожаный кошелёк.

- Что это? Я не возьму, - попытался оттолкнуть руку Старика Андрэ.

- Бери, говорю, - улыбнулся Старик. - Можешь это считать небольшой компенсацией за неудобство.

- Не надо мне компенсации, - рявкнул Андрэ.

- Ладно, иди без компенсации, - согласился Старик. - Только помни. Бог – всемогущ, а человек создан по образу и подобию Божьему. Я всё сказал.

Но Андрэ не мог, не хотел мириться с тем, что произошло. Сознание кипело. Что является правдой, та прожитая им жизнь, или та, в которую вдруг попал сейчас? Может, именно, сейчас он в бреду? Кто поможет разобраться? Андрэ импульсивно сорвался с места, и протянул Старика злополучный Камень.

- Нет-нет, - возразил тот, и отвёл протянутую руку.

Он устало прикрыл глаза, расслабленно откинулся в глубоком кресле, и отгородился стеной отчуждения, не желая ничего объяснять. Андрэ потряс его за плечи, почти выдернул с кресла, но добился лишь того, что Старик молча пошлёпывая посиневшими губами отвернулся к окну, и тупо уставился в беспредельность пространства. Казалось, избавившись от Камня, он полностью потерял интерес к окружающему миру. Андрэ внутренне дрожал, но понял, что больше здесь ничего не добьётся. Он оставил Старика в покое, бросил ему Камень на колени, и порывисто вышел за дверь.

Всё здесь выглядело знакомым, но давным-давно забытым. Какая-то сила остановила, заставила оглянуться на дверь, обратить заострённое внимание на номере покинутых апартаментов и... отпустила.

Он прошёл по коридору, касаясь кончиками пальцев всплывших из глубин памяти дверей, по которым когда-то колошматил. Вот и лифт. Помнит ли он его? Конечно, помнит. Он действительно вспомнил этот лифт. Но... это ничего не прояснило. Случившееся по-прежнему требовало объяснений.

Андрэ глянул в зеркало, и не узнал себя в его отражении. Оттуда на него смотрело порядком позабытое, помолодевшее лицо. Да, что лицо! А тело? Неужели он когда-то имел такое совершенное, стройное, и сильное тело? Это какая-то необъяснимая фата-моргана, ведь так не бывает.

Лифт остановился, створки открылись, Андрэ замер на мгновение, и решительно шагнул в холл. Всюду толпились люди. Каждого занимали свои проблемы, и никто не обращал на него внимания. Никто его не узнавал. И не удивительно. В этом мире он был лишь никому не известным предпринимателем из Казани.

«Старик прав, - удручённо подумал он. - Здесь я никто».

Никто? Это даже неплохо. Наконец-то можно освободиться от огромной ответственности, и просто жить.

«Я даже не Андрэ, я Андрей. Всё, теперь пора привыкать к своему новому старому имени, вспомнить старую жизнь, и привыкать к ней».

Андрей порывисто вышел из отеля, и спешно отпрянул назад. Воздух не до усвоения. С удивлением он увидел, что прохожих на улице это не трогает. И несложно понять, ему и к этому также придётся привыкать.

У входа дежурило такси. Седовласый таксист лениво взирал на прохожих. словно молния вспыхнула в мозгу картина с умирающим таксистом. Нет, в подробностях припомнить всего он не мог. Но таксиста вспомнил. Также вспомнил и другое. Вспомнил, как старался привести в чувство Изабелу. Но если Старик не соврал, значит, где-то неподалеку должна быть она, его Изабела, такая же молодая, какой он её знал когда-то, и красивая.

Андрей взволнованно замер, боясь разочароваться. Но желание увидеть любимую, заставило кинуться за угол, чтобы в потоке людей разглядеть до боли знакомый силуэт. Память услужливо подсказала, как была одета Изабела в тот несчастный день. Он проскочил вперёд, ещё немного, и чуть не столкнулся с... Изабелой. Да, это она, живая, молодая, красивая, стройная, вместе со своим совсем ещё крохотным Кшисем.

Она тормознула, попыталась увернуться от неизвестного прохожего, который неожиданно преградил путь, и ловко славировала коляской.

- Иза! - воскликнул в порыве радости Андрей.

- *Чи мы ще знамы?*² - с удивлением воззрилась на него Изабела.

Андрей опешил. Только теперь до него дошло, что та Изабела, его Изабела, осталась в иной жизни. В этой она его не знает, и знать не может. Ведь, они ещё не встречались. Изабела с ожиданием смотрит на него, а он не знает, как объяснить ей то, что с ними произошло в другой жизни. Какое разумное объяснение привести? Не стоять же молча перед ней, и не пялиться как идиот. Андрей сделал шаг назад.

- *О... Пшепрашам Панёу, помылилем щеу,*³ - только и смог он ответить на вопрос любимой женщины.

Андрей вдруг поймал себя на мысли, что при первой их встрече в прошлой жизни он совсем не понимал по-польски. До катастрофы его познания в этом плане были никакими. Ведь он выучил язык позднее, в

² Чи мы ще знамы? (польск.) – Мы знакомы?

³ Пшепрашам Панёу, помылилем щеу (польск.) – Извините, Пани, я ошибся.

память о погибшей Изабеле. Значит, он **действительно прожил свою жизнь**. Но и то, что сейчас происходит, также является реальностью. Другой реальностью.

Изабела с пониманием кивнула, невозмутимо отвернулась, и продолжила путь, оставив Андрея тоскливо провожать её взглядом. В этом мире у неё своя жизнь. Да и у него также своя жизнь, о которой он успел совершенно позабыть. Кажется, была жена. Впрочем, память тут же напомнила, что перед катастрофой они уже не были вместе. Но, что это меняет? Как жить без Изабелы? Снова боль просверлила сердце, но теперь это была иная боль, боль от отчаянья. Всё, чему он научился за свою долгую жизнь, осталось с ним. Нет лишь людей, с кем за долгие годы жизни он по-настоящему сблизился, нет и той жизни...

Одиночество не без греха. Но кто из нас безгрешен? Одиночество обрушило на Андрея проклятье. Он вернулся в мир, который успел стать для него чужим, и не мог найти себе места. Самое страшное было то, что близкие для него люди уже не были теми, с кем Андрей успел прожить жизнь. И, хотя, если верить Старику, сейчас он вернулся в свой настоящий мир, сознание собственного «я» продолжало судорожно цепляться за воспоминания о потерянном мире, о прожитой в том мире жизни. С одной стороны, он обогащён огромными знаниями, которые получил в уже прожитой жизни. С другой стороны понимал, что воспоминания о прошлом будут мешать в этой жизни, всё запутают. Если только он не научится отделять воспоминания прошлой жизни от реальности настоящей.

Визг тормозов вернул Андрея к реальности. Он вдруг осознал, что стоит на полосатой дорожке перехода для пешеходов, и смотрит на искажённое страхом лицо незнакомой женщины за рулём легкового автомобиля. Автоматически глянул на красный свет фонаря, название которого не смог припомнить. Боже, он успел забыть о таких, когда-то простых вещах, и только теперь вспомнил, что красный свет означает запрет перехода. Как он мог это забыть? В некоторых городах исчезнувшего мира такие фонари продолжали использовать. И назывались они, если не изменяет память, светофорами.

Андрей сделал извиняющий жест, и шагнул назад на тротуар. Только теперь он обратил внимание на непривычно огромный поток автомобилей на проезжей части дороги. Пожалуй, такое возможно... Впрочем, опять его понесло. Пора привыкнуть, что в этом мире катастрофы ещё... Ещё?! Да-да, ещё не было. И придётся привыкать, что от

людей на улицах будет тесно. Именно так, как он рассказывал своей правнучке, которая принимала рассказы за небылицы.

Сентиментальность долой! Нужно вспомнить, куда ему теперь топтать. Андрей по-настоящему растерялся. Он напрочь позабыл, зачем приехал в Варшаву, а главное, не знал, где оставил свои вещи. Должен же он был, в конце концов, где-то остановиться? Вопрос: где? Может быть в отеле? Но в каком? Память упорно отказывается подсказывать. Всё, что было *после* катастрофы, в памяти отпечаталось довольно-таки чётко. Но что было *до*?.. В поисках подсказки он покопался по карманам. Нашёл какие-то зеленоватые карточки с портретами. Уставился непонимающе на бумажки, и вдруг рассмеялся своей забывчивости. Ведь, эти бумажки когда-то, то есть в реальном мире, назывались деньгами. Боже! Когда это было?

В некоторых странах пытались восстановить эти самые деньги, что встретило сопротивление со стороны большинства жителей. Никто не хотел пользоваться в качестве оплаты бумажными картинками. Действительно, зачем? В объединённой Европе даже вопроса такого не возникало. Через несколько лет после катастрофы была восстановлена единая компьютерная сеть, и в качестве оплаты стали использовать магнитные карты. А сумма накоплений на персональных счетах Единого Банка начислялась, исходя из Единой Системы Индексов и Баллов за каждую выполненную работу, задание и услугу. Причём оплаты эти зависели от индивидуального индекса, который учитывал общественное положение, и заслуги каждого человека. Эти индексы автоматически пересчитывались, но Андрей подозревал, что его собственный индекс мог быть самым высоким на планете. Хотя, практического значения это не имело. Самый низкооплачиваемый работник мог позволить себе на многое. Прообраз коммунизма в действии. Впрочем, разработчики системы предупреждали, что она работает без сбоев из-за высокого темпа развития экономики. И если это развитие в течении последующих двух-трёх десятков лет снизится хотя бы на один процент, эта категория работников окажется за чертой финансовой вседозволенности. Иначе говоря, при дорогостоящих приобретениях персональный счёт некоторых людей окажется в минусе. А этого допускать было нельзя. В обществе равных прав, такой прецедент мог привести к неравноправию, и поставить под сомнение само понятие справедливости.

Впрочем, мир, куда сейчас перенесло Андрея, не такой. Здесь, как он вспомнил, деньги играют большую роль, а о справедливости можно

только мечтать. Он покопался по карманам, и нашёл ещё один листочек, на котором незнакомым почерком написан адрес. Чей? Во всяком случае, какая-никакая зацепка. Возможно, тот, кто проживает по этому адресу, подскажет, где он остановился.

Поиски нужного адреса заняли около часа, и почти довели Андрея до истерического состояния. Он совсем отвык от запруженных тротуаров. Но, в конце концов, удалось найти нужные двери. Андрей постоял пару минут, чтобы успокоиться, и нажал кнопку домофона. В ответ на чей-то голос, он представился, открыл двери подъезда, и по-молодецки поднялся по лестнице до нужного этажа.

Дверь открыла незнакомая миловидная женщина, кивнула ему, как старому знакомому, и пригласила пройти. Как ни в чём не бывало, она принялась рассказывать о каких-то вчерашних знакомых, из чего Андрей сделал вывод, что провёл вчерашний вечер в обществе этой женщины. С подозрением глянул на неё. Боже! Неужели, между ними могло... И в этот миг память, смилостивившись, приоткрыла завесу. Хозяйка квартиры – давняя подруга жены, и именно здесь он остановился после приезда в Варшаву. А зовут её... Как же её зовут? Вот, память... Ах, да, Ирина. Точно, Ирина. Слава богу, что удалось вспомнить хотя бы это.

- Ириночка, *суаје бон*...⁴ - начал было Андрей.

- Марина я, - удивлённо, и с каким-то напряжением в голосе поправила хозяйка квартиры.

- *Пардон*, мадам, - растерялся Андрей, - *живуле сильма дымондэ*...⁵

- Я вас не понимаю, Андрей, - удивлённо прошептала Марина.

Андрей извинился ещё раз, мысленно подосадовал на себя, что не сумел отгородиться от воспоминаний прошлого, и прокололся, обращаясь к Марине по-французски.

- Извините, Марина, - исправляясь, повторил по-русски. - Устал очень. Не подскажете, где мои вещи?

Глаза Марины снова округлились. Оказалось, дорожный саквояж на самом виду. Опять промах. Нужно быть осторожнее.

Андрей поставил саквояж под ногами, открыл его, и принялся знакомиться с вещами, о существовании которых уже забыл.

- Знаете, Андрей, - обиженно пробормотала Марина, - никто ваших вещей не трогал. У нас нет такой привычки, чтобы по чужим вещам шарить.

⁴ ...суаје бон...(франц.) – ...будьте добры...

⁵ Пардон, мадам, ...живуле сильма дымондэ...(франц.) – Извините, мадам, ... я хотел только спросить...

Андрей удивлённо воззрился на хозяйку квартиры. Ведь, сама же сказала, что это его вещи. И вдруг догадался, что она восприняла его повышенный интерес к вещам, как опасение за их сохранность. Он смутился, и поспешил объясниться:

- Я не думал подозревать вас в чём-то подобном? Просто, решил...

«А что собственно, я такого решил?» - растерянно подумал Андрей, и отчаянно отмахнулся:

- Неважно. Здесь нет ничего важного для меня. Правда! Могу всё это, без раздумий отправить в мусорное ведро. Только документы заберу.

Он достал из саквояжа красную книжицу, открыл её, и не сдержал смеха. С фотографии смотрело непривычно молодое лицо. Впрочем, не лицо его насмешило. А сам документ. Такие использовались ещё... Андрей спохватился, и скосил глаза на Марину. Не заметила ли? Конечно, заметила, но не хочет вида подавать.

Марина отвернулась от гостя, и начала старательно смахивать салфеткой несуществующую пыль со стола. Вскоре пришел её сожитель, имя которого также напрочь выветрилось из головы. Но после безличных фраз, которыми они обменялись, Андрей неожиданно вспомнил, что зовут его Олегом. Оказалось, опять нестыковка. Собеседника звали Павлом. Поужинали. Не желая больше попадать впросак, Андрей предпочёл принять душ, и завалиться в кровать.

Спать не хотелось. Слишком много впечатлений для одного дня. Он прикрыл веки, и приступил к анализу происшедшего. Если это ему не снится, значит, мир, в котором он прожил жизнь до старости, был миром-иллюзией, созданным при помощи чудесного камня. И возвратиться туда, увы, невозможно. Но почему иллюзией? Сомневаться в реальности того, что пришлось там пережить, невозможно. И пусть этот мир, в котором он чудесно возродился, или куда вернулся (кому как нравится), будет сто раз реальным – мир, созданный при помощи камня, был не менее реален. Значит, нужно принять за факт существование двух параллельных миров. Почему только двух? Разве Старик не говорил о множественных мирах, созданных ранее? В таком случае, миров должно быть несчётное количество.

Перед глазами возник образ чудесного полупрозрачного кристалла цвета морской волны. И в памяти прозвучали слова удивительного Старика: *«...создание новых миров требует от Избранника безмерной ответственности, бескорыстной любви, и огромной концентрации. Иначе, сотворишь совсем не то что запланируешь...»*.

Андрей содрогнулся. Много лет выдающиеся учёные умы бесплодно пытались раскрыть причину катастрофы, столь неожиданно поразившей планету. А катастрофа оказалась плодом его раздражённого сознания. Так просто! И так ужасно! Ведь столько жизней в одночасье скосила безжалостная Смерть. Неужели по его вине? От такой мысли Андрея прошиб холодный пот. Прав был Старик. Ответственность, действительно, безмерная. Пытаясь найти оправдание себе, мысленно обрушился на Старика, почему не предупредил, не подготовил его? Впрочем, нечего обманывать себя. Старик пытался, и предупредить, и подготовить. Но все попытки наталкивались на раздражённое сопротивление. Как можно было убедить его тогда, если даже сейчас трудно примириться с подобной мыслью. Хорошо, что удалось избавиться от фатального камня. Теперь, зная свою истинную роль, трудно было бы вынести повторную трагедию.

Впрочем, почему сотворение нового мира должно сопровождаться катастрофами? Старик говорил о *«безмерной ответственности, бескорыстной любви, и огромной концентрации»*. Ответственность с этой минуты будет **вечно** довлеть над ним. Бескорыстная любовь? Разве может быть любовь корыстной? Во всяком случае, не у него. А концентрации он научился в «прошлой» жизни. Только зачем ему всё это, если камня уже нет. И проблем, связанных с ним, тоже. Осталась одна единственная проблема. С памятью. *«Память здесь ни при чём»* - вспомнил Андрей ещё одно изречение Старика. Боже, как это верно! Память, действительно, ни при чём. Человеку свойственно стирать из памяти то, что уже не понадобится.

ВТОРАЯ ГЛАВА

Виктор копался в двигателе «Джипа» племянника главного инженера завода, и рассуждал о любви. Одно только непонятно, с какого перепоя пришло в голову рассуждать об этом. Обычно, начальству, и разным там жлобам косточки перемалывал. А вот, поди ж ты, и о любви мысли затесались.

О любви можно много говорить, и не сказать ничего. А лучше вообще ничего не говорить, только любимым быть, и влюблённым. И Виктор может о себе сказать, что любим, и влюблён. Несмотря на прожитые вместе с Оксаной долгие годы, это состояние осталось, как и прежде, свежим и желанным.

Он и сам понять не мог, почему так. У большинства его друзей очень быстро притупилось это чувство к своим вторым половинкам, а то даже вовсе исчезло. Как говаривал его друг Димка Бобров: «Почему девушки все, как одна, желанные, а как выйдут замуж, так сразу становятся змеями окаянными». Только Оксаны это не касается. С ней Виктор живёт душа в душу. Даже, когда приходит домой навеселе...

Нет, конечно, Оксана не радуется этому. Он и сам понимает, что виноват. Потому ведёт себя при ней ниже травы, тише воды. Или, наоборот? Пусть будет тише воды, ниже травы. Дай бог каждому такую жену.

Вдруг сегодняшней сон вспомнился. В жизни ничего подобного прежде не снилось. Улицы, устланные покойниками, взывающие о помощи племянники, и сосед, которому в голову взбрело вломиться в квартиру. Приснится же такое. Вроде бы выпили, так себе. Поди ж ты! Надо бы завязать чуток. Недельки на две, ну, может... на полторы. А замки в дверях, Оксана права, пора сменить на более надёжные. Неровен час...

И с дочками пора серьёзно поговорить. С утра Оксана на них жаловалась. Татьяна, младшая, хвостом вертеть начинает. С мужем ей, видишь ли, не повезло. Заработки, мать её растак, не удовлетворяют. По заднице ей врезать хорошенько. Заработки... Сколько же это получать надо, чтоб её удовлетворить? Пускай зять, япона мать, интеллигент, но с головой. И зарабатывает не меньше других. А удовлетворения надо не в заработках искать, а в постели. Наталья, старшая, тоже тот ещё номер. С мужем никаких проблем, но обсуждать с кем бы то ни было, заводить ей детей, или не заводить, не собирается. Да, соврать могла бы. Не получается, мол, с детьми. А не так, сразу в лоб. Всё-таки, с матерью говорит, не с чужим человеком. Нет, всё-таки молодёжь теперь не та, что была в их времена. Не та.

Виктор вспомнил молодые годы, перенёсся ещё раньше, вспомнил мать, отца. Отец тяжело пережил смерть матери. Но через пару лет привёл в семью чужую тетю. Это сейчас Виктор понимает, что та тётя, его мачеха, по сути девчонкой в то время была. А в детские годы видел в ней мегеру, которая заняла место матери. Со стыдом вспомнил, как долго примириться не мог с появлением этой женщины в семье. Однажды воспользовался моментом, когда отец уехал на пару дней в командировку, и порезал платя. Даже виду не показала, не пожаловалась отцу. Потом он и другие подлянки делал. Столько переживаний приносил. Конечно, после женитьбы на Оксане, перестал мачехе досаждать, но безоблачными их

отношения даже тогда нельзя было назвать. Лишь перед операцией отца на сердце, Виктор сломал себя, и попросил прощение за всё, что ей причинил. Вовремя, как потом оказалось. Через два месяца её, ещё не старой женщины, не стало. Отца врачи спасли, а мачеха не выдержала напряжения тех дней. Интересно, если бы Оксаны не стало, смог бы он так, как отец, жениться на другой? Нет. Даже представить такое трудно. Конечно, он не святой. И за ним грешки были. Но так, чтобы привести домой, пусть даже в опустевшую квартиру, другую хозяйку... Нет, на такое он не способен. Впрочем, тьфу-тьфу-тьфу через правое плечо. Ничего такого с Оксаной не случится. Пусть живёт подольше.

Виктор со злостью одёрнул себя, и углубился в работу. Поскорее бы закончить ремонт двигателя, получить деньги, и вернуться домой, к любимой жене. Небось, сидит сейчас перед телевизором, и ждёт его. Может, даже беспокойные мысли приходят к ней в голову. А чего беспокоиться? Прямым домом... И никаких послаблений. А может, сначала пропустить стаканчик? С одного стакана не убудет. Ну, на крайняк, пивка пару кружек. Только, как же с решением завязать? Пожалуй, погорячился. Хотя...

«Может, и надо завязать? - раздражённо подумал Виктор. - Что хорошего травить себя этой отравой? Вот только, как же друзья-товарищи, Шамиль, Димка Бобров? Без стакана, и разговор не пойдёт. Эх, что за натура такая? Только дал зарок не пить, а выдержать не могу. Что же получается? Пил, пью, и пить буду, пока какой-нибудь катаклизм не наступит»...

Сознание снова заполнила картина из сна с взывающими к помощи племянниками. Виктор резко выпрямился, упустил гаечный ключ, и дёрнул себя за волосы. Это привело его в чувство. Что за навязчивый сон? Не дай бог такого в жизни пережить...

- Что с ними может случиться? - растерянно пробормотал Виктор, и подобрал упущенный гаечный ключ...

...В это время племянники отдыхали с матерью на солнечном черноморском побережье в Сочи, и в помощи не нуждались. Обыкновенно они выезжали отдыхать на Азоры, в Испанию, Грецию, Египет, или Турцию на худой конец. Бывало ездили также в Таиланд. Но Сочи даже лучше. За границей их повсюду сопровождал толстомордый телохранитель Касым, которого оба подростка всеми фибрами души презирали за редкостную тупость. А здесь – свобода.

Впрочем, Касым, в ожидании сигнала «боевой готовности» от хозяйки, развлекается в одном из сочинских отелей. А они с мамой, по старой памяти квартируют у Вероники Михайловны, давешней подруги бабушки Зои. Ни мама, ни Вероника Михайловна не ограничивают Игорьку с Милкой так желанной для них свободы. Мама с присущей деловитостью налаживает новые связи и контакты, а Вероника Михайловна предпочитает коротать время с соседками. Только вчерашний день отличался от предыдущих. После попойки с друзьями, весьма несвойственной для маман, она весь день провалялась в постели. Но на свободе детей это опять никак не отразилось. Они дождались времени, когда солнце склонилось к горизонту, и сбегали на море, где Игорёк вволю накупался, а Милка от души позагорала.

Зато сегодняшний день начался с утра вовсе не так, как хотелось бы. Приехал Касым. Мама затянулась в чёрный, несвойственный для жаркого дня, сугубо деловой костюм, и попросила детей на море не ходить. Хуже всего, посоветовала им приготовиться к срочному отъезду. Похоже на то, что она готовилась заключить какой-то важный контракт, и теперь придётся возвращаться домой. Разочарованные Игорёк с Милкой разошлись по своим комнатам, и стали без энтузиазма собирать вещи.

Мама вернулась к обеду, как всегда собранная, и строгая. Судя по ухмылке на лице Касыма, сделка прошла удачно. Значит, надежды, что мама передумает с отъездом, не осталось. Во всём, что касается бизнеса, она всегда была твёрдой как алмаз.

Вероника Михайловна услужливо залебезила перед ней:

- Лариса, душа моя, может, остались бы на уикенд. Пусто без вас здесь будет.

Игорёк с Милкой переглянулись, и понятливо ухмыльнулись. Они не поверили, что Вероника Михайловна не найдёт на их место новых постояльцев. И тосковать по ним, наверняка не будет. И так постоянно торчит у соседок.

- Зоиньку Николавну, душа моя, - жеманно проворковала Вероника Михайловна, - прошу от меня расцеловать, голубушку.

- Обязательно, Вероника Михайловна, - строго ответила Лариса, и демонстративно закрыла перед носом старушки дверь в свою комнату.

Хозяйка виллы обиженно поджала губы, строго посмотрела на подростков, и удалилась, плавно покачивая бедрами. Игорёк с Милкой прыснули со смеху. Касым тупо посмотрел на подростков, не понимая причины веселья.

- Касымчик, душа моя, - проворковала Милка, скопировав Веронику Михайловну, - прошу от меня убрать Игорька, голубя.

- Не смешно, - укоризненно произнёс толстомордый телохранитель.

- И глупо, - поддержал Касыма Игорёк, и приколол. - Вместо того, чтобы глаза нам мозолить, лучше бы поработала обезьяной в каком-нибудь зоопарке. У тебя это здорово получается.

- Дурак, - беззлобно обозвала его Милка.

- Какой уж есть, не дурней тебя, - вернул ей обидное определение Игорёк.

- Кончай базар, малявки, - нарочито грозно нахмурился Касым.

- Что ты сказал, Касым? - скопировала мамин голос Милка. - Ты уволен.

Получилось настолько похоже, что Игорёк, не сдержался, и громко расхохотался. У Касыма от удивления вылупились глаза.

- А похоже, - только и пробормотал он.

- Точно изобразила, - сквозь смех подтвердил Игорёк.

- А ты, - не выходя из образа родительницы, Милка обратила взор на Игорька, - живо за уроки.

- Прямо сейчас, побежал уроки делать, - пробормотал Игорёк, не в силах остановить смех. - Бегу и спотыкаюсь.

- А то! - припечатала Милка.

Мама приоткрыла дверь. Спросила:

- Это ты меня изображаешь?

- Нет, что ты, мамочка. Клару Новикову, - съёрничала Милка, чем вызвала новый приступ смеха у Игорька.

- Касым, - перевела взгляд на телохранителя Лариса, и совершенно серьёзно предложила: - Разрешаю отшлёпать Людмилу.

- Ну что вы, Лариса Геннадьевна, - испуганно напрягся Касым. - Как можно?

- Что ты сказал, Касым? - по-прежнему оставаясь серьёзной, уставилась на телохранителя Лариса. - Ты уволен.

На пару секунд зависла полная тишина. Потом все вместе, Лариса и детишки, расхохотались. Через мгновение расхохотался также Касым, который не сразу понял шутку хозяйки...

...Генерал Ковалёв легко, по-молодецки соскочил на землю, припечатал пятернёй броню штурмового вертолёта, и поделился с руководителем аэродрома полковником Савушкиным:

- Славно полетали.

- Вы бы, товарищ генерал, почаще к нам приезжали. На природе отдохнём по-человечески. - проявил доброжелательность Савушкин, хитро прищурился, и пообещал: - Рыбалку организуем, как в старые добрые времена.

- Хотел бы, но... - Ковалёв неуверенно поёрзал плечами.

- Значит, правда, на счёт Москвы?

- Приказа пока нет, но грозятся... - подтвердил генерал.

- Жаль, - искренне посочувствовал Савушкин.

- Это называется карьерный рост, - с нотками ехидства в голосе ответил Ковалёв.

- А по мне, лучше до пенсии на аэродроме руками водить, чем у руководства на побегушках.

- Ну, ты, полковник, даёшь, - удивился генерал Ковалёв. - Кто тебе сказал такое, что я на побегушках там буду?

- Это я так, образно выразился, - смутился полковник.

- Нет, дорогой Пётр Михалыч, - укоризненно покачал головой генерал. - Так унижить меня никто бы не рискнул. Грозятся, как ты выразился, рукой водителем назначить.

- В таком случае, мои поздравления, Юрий Сергеич.

- С поздравлениями успеется. Нет ещё приказа.

- Зато, банька натоплена, - расцвёл полковник Савушкин. - Славно полетали, теперь славно попариться нужно, под шашлычок и коньячок.

- Банька, дело хорошее, - добродушно заметил генерал. - А вот с коньячком поостерегусь. Мне сегодня вечером отчёт нужно сдать начальнику штаба округа.

- А на завтра нельзя отложить?

- Завтра Трущинскому буду мозги выносить. Так что, коньячок, полковник, без меня оприходуешь.

- Слушаюсь, товарищ генерал, - воодушевился Савушкин. - Есть, оприходовать коньячок. И соболезнаю... Из-за Трущинского.

- Ишь ты, шутник, - расхохотался Ковалёв. - Ему надо соболезновать. А насчёт коньяка жене скажешь, мол, генерал приказал.

- Так точно! - охотно согласился полковник. - Так и доложу супружнице.

- И поцелуй её за меня, - с теплотой в голосе попросил генерал.

- Завсегда, пожалуйста, - развёл руками полковник. - Она тоже к вам неровно дышит.

- Ровно, Пётр Михалыч, ровно... - отмахнулся Ковалёв. - Сам знаешь, кроме тебя нет для неё других мужиков на свете.

- Любимых мужиков, Юрий Сергеич, - согласно покачал головой полковник, - надеюсь, кроме меня взаправду нет. Но к вам, она... как к отцу, как к батю... Да, вы сами знаете.

- Ну, ты, Пётр Михалыч... Мог бы не подчёркивать, что я только на роль отца гожусь, - усмехнулся генерал.

- Не из-за возраста, Юрий Сергеич, - поморщился полковник. - К вам не одна Надя моя так относится. Вы всеобщий батя для нас, для офицеров, солдат.

- Не льсти, полковник, - ухмыльнулся Ковалёв. - Награды за это не дают.

- Лесть – это не обо мне, - возразил Савушкин. - Простая констатация факта. И ничего больше.

- Ладно, пока я нос совсем не задрал, - сбросил с лица ухмылку Ковалёв, - исчезаю. Чистого неба, полковник.

- И вам того же, товарищ генерал.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Андрей лениво потянулся, и подумал: «Приснится же такое». На старости лет он позволял себе после пробуждения несколько минут поваляться в постели. Но непонятные звуки, которые долетали из-за окон, заставили поспешно открыть веки, и осмотреться. Чужая обстановка напомнила, что сон оказался самой настоящей явью. И в подтверждение этой яви слышался законный гул огромного города, и ощущение его собственных, по-молодому мускулистых рук. Он откинул одеяло, и стал внимательно разглядывать внезапно помолодевшее тело. Как бы это странно не выглядело, к этому тоже теперь предстоит привыкать.

Андрей поднялся, энергично помахал руками, и быстро оделся, наслаждаясь подзабытым ощущением лёгкости. Затем степенно прошёл в соседнюю комнату. Там застал лишь белобрысого Мариночкина отпрыска, который рассматривал... Андрей не поверил своим глазам. В руках мальчишки был тот самый Божественный камень, который он оставил у Старика.

- Где ты взял этот... - настороженно спросил мальчугана Андрей, - изумруд?

- Ваш? - вопросом на вопрос ответил мальчуган.

- Можно сказать... да, - с неудовлетворением подтвердил Андрей.

Мальчуган глянул через камень на просвет. Андрей не успел помешать ему. «Ну, всё, - подумал потерянно, - попал мальчонка». У него даже волосы на голове зашевелились при воспоминании о созданном таким же способом мире. Конечно же, теперь мальчонка проживёт жизнь в своём мире до самой смерти, а потом... Андрей предвкушал его удивление, когда через пару секунд он вернётся в реальный мир. Но ничего подобного не произошло. Мальчуган невозмутимо вложил Камень в кожаный мешочек, и протянул со словами:

- Вас надули... Стеклашка.

- Откуда знаешь? - недоверчиво пробормотал Андрей, и принял камень.

- Элементарно, - простодушно развёл руками подросток. - Видно же.

- Ты что, ювелир? - мягко улыбнулся Андрей.

- Мама мечтает, чтобы я на ювелира выучился, - нахмурился мальчуган, затем приблизился к Андрею, и доверительно прошептал: - А я, как дедушка, хочу геологом быть. Это он научил меня отличать настоящие драгоценные камни от стеклашек.

- И всё-таки, где ты его взял, камень этот?

- Т-к, - честно заморгал белёсыми ресницами мальчуган, - на столе. И ещё вот это.

На столе лежал кожаный кошелёк Старика. Андрей недоверчиво хмыкнул, и взял кошелёк в руки. Внутри обнаружилась целая пачка зелёных банкнотов.

«Упрямый Старикашка, - подумал он. - Как он меня отыскал? Ладно, придётся вернуться к нему, чтобы вернуть деньги с камнем».

Андрей засунул кошелёк в карман, и извлёк из мешочка Камень. С сомнением подумал: «Почему, у мальчугана не получилось? Может, Камень потерял свои чудесные свойства?»

И правда, выглядит он как-то иначе. Будто, в нём жизни не осталось. Он поднял кристалл перед глазами, и... едва успел сомкнуть веки. Камень на свету ожил, заблестал. «Неужели, снова втюрился?» - с досадой подумал Андрей, но вспомнил слова Старика, что Камень существовать может только в реальном мире. Если он по-прежнему ощущает пальцами твёрдые грани Камня, значит, ничего сверхъестественного не произошло. «Кажется, пронесло». Андрей спрятал злополучный подарок Старика в мешочек, и лишь после этого осмелился открыть глаза. С облегчением

вздыхнул. С твёрдым решением сегодня же вернуть камень хозяину, он отправился в ванную комнату.

Через несколько минут Андрей привёл себя в порядок, и подумал, что надо дочь попросить заказать для него самолёт. Но глянул в зеркало, и по-настоящему испугался. Не из-за своего молодого вида. Он вдруг понял, что его снова унесло домой, на Лазурное побережье. А он сейчас оказался в ином мире, пусть тысячу раз реальном, но **ином**. И заказать самолёт не сможет. Для заказа нужны те самые идиотские деньги, которые сейчас лежат в кармане. Но хватит ли их? Впрочем, совсем не обязательно заказывать целый самолёт. Насколько ему не изменяет память, для полёта на самолёте можно нечто вроде талона купить. Это называлось... Посадочный билет. Вернее, так называется. Пора привыкать. Хм... Андрей снова засомневался. А хватит ли на покупку билета этих самых денег? Не брать же из кошелька Старика. Хм, должно хватить. Ведь, должен он был подумать об обратном билете, когда ехал сюда. Вопрос, сколько этот билет стоит?

Андрей вышел из ванной комнаты. Подросток уже присосался в своей комнатухе к компьютеру.

- Слушай, Вадик, - Андрей удивился, что память напомнила ему имя подростка, и как оказалось на этот раз, не подвела. - Сколько стоит билет на самолёт до Казани?

Вадик даже рот от удивления раскрыл. «Неужели опять какую-то ахинею сморозил?» - насторожился Андрей.

- Так ведь, до Казани самолёты не летают, - наконец, выдавил из себя Мариночкин отпрыск. - Разве что с пересадками.

«Вот те на, - обескураженно подумал Андрей. - Как же я сюда добирался? С пересадками? А ведь не помню ничего такого».

Но вслух этого не сказал. Прямо спросил:

- Как до Казани добираетесь?

- Через Москву, - оживился Вадик, - чаще всего на поезде.

- Так, это же, наверно, долго, - не выдержал Андрей.

- А куда спешить? - равнодушно пожал плечами подросток. - К тому же дешевле.

«А ведь правда, - подумал Андрей, - торопиться некуда. В дороге можно что-нибудь из прошлой жизни вспомнить. Всё, решено. Надо купить билет на поезд, и сегодня же... Хотя нет, завтра поеду».

Не случайно решил Андрей перенести отъезд на завтрашний день. Перед отъездом захотелось пройтись по городу памятным маршрутом,

тем самым, которым он вместе с Томеком и Изабелой пробирался по заваленным телами тротуарам, посмотреть на дом, в котором переночевали первую ночь. Особняк за городом захотелось навестить, и... (Андрей даже всполошился) если это возможно, увидеть своего четвероногого друга. Возможно, путешествие вернёт память к тому периоду. А затем удастся оттолкнуться от тех воспоминаний, вернуться чуть раньше, и вспомнить, чем он всё-таки занимался перед катастрофой.

Входные двери распахнулись, и в прихожей появилась Мариночка с пакетами в руках. Она выгрузила покупки на кухне, и приветствовала Андрея:

- День добрый.

- Добрый день, Мариночка. Извините, Старик на словах мне ничего не передавал?

- Какой старик?

- Тот, который Камень оставил с кошельком.

В глазах Марины появился испуг.

- Вы, Андрей, какими-то загадками говорите. Какой камень?

- Вот этот.

Андрей извлёк из кармана мешочек, вытянул камень, и протянул хозяйке квартиры. Глаза Марины загорелись, и она, как пантера вцепилась в драгоценность. Но пригляделась внимательнее, остыла, и с презрением вынесла приговор:

- Стекло.

- Знаю, - согласился Андрей. - Но кто-то его принёс сюда?

- Откуда я знаю? - возмутилась Марина. - Первый раз его вижу.

Станный вы какой-то. Видно, вчера на солнце перегрелись.

Андрей ретировался.

«Как в таком случае Камень оказался на столе, если его никто не приносил? - подумал обескураженно. - Мистика какая-то! Впрочем, стоит ли удивляться таким мелочам? Ведь я сам после смерти там, у себя, взял, и возродился здесь».

Больше вопросов не задавал. В ожидании завтрака прочитал газету, чем опять удивил хозяйку.

- Когда это вы, Андрей, польский успели выучить?

- Ах, это? - пожал плечами Андрей, и слукавил. - Люблю копаться, понимаете ли, в иностранных языках, знакомые слова искать.

Он наскоро справился с завтраком, и, предпочитая дальше не «прокалываться», покинул гостеприимных хозяев. Варшавский воздух

снова заставил его поморщить носом. Андрей успел позабыть о концентрации автомобильных выхлопов в огромном городе. Теперь ему предстояло привыкать к этому.

Первым делом он отправился покупать билет на поезд. Центральный вокзал Варшавы, после подсказок прохожих, нашёл быстро. Тем более, он оказался неподалеку от Мариночкиного дома. В зале ожидания Андрей внимательно изучил расписание движения поездов, и приобрёл билет до Москвы.

Теперь можно злополучный Камень вернуть хозяину. Отель Старика высился через дорогу от вокзала, и Андрей прошёл туда через подземный переход. Затем поднялся на нужный этаж. Несмотря на возбуждение, которое по-прежнему держало его после возвращения в реальный мир, память не подвела, дорогу до апартаментов Старика он помнил чётко. Вот и памятная дверь. Андрей постучался, и услышал хриловатый женский голос, который по-французски пригласил войти:

- *Онтрэ!*⁶

Андрей толкнул дверь, и остолбенел. С самого порога он почувствовал неладное. Интерьер апартамента больше ничем не напоминал интерьера апартамента Старика. В попытке найти хоть какую-нибудь зацепку, Андрей беспомощно скользнул взглядом по комнате. Высокая худощавая женщина в брючном костюме выразительно смотрела на Андрея. Нужно что-то сказать. Не объяснять же истинную причину визита. Он не нашёл ничего иного, и пробормотал по-французски:

- Я ищу своего знакомого, который жил в этом номере.

- Не знаю, - пожала плечами женщина. - Я здесь третий день.

- А где вы были вчера с шестнадцати до шестнадцати тридцати? - без особой надежды объяснить тайну загадочного перевоплощения апартамента спросил Андрей.

- Если вы из полиции, отвечать на вопросы я буду только в присутствии адвоката, - натянуто ответила женщина.

- Нет-нет, что вы, - замахал руками Андрей. - Просто мне показалось, что мы с моим знакомым были в это самое время... в вашем апартамента, как раз в этот промежуток времени. Но возможно я ошибся номером. Или этажом.

- Пардон! Вы ошиблись, - облегчённо вздохнула женщина. - Вы не могли в этом номере быть, потому что у меня здесь проходила деловая встреча.

⁶ Онтрэ! (франц.) – Войдите!

Андрей поёжился. Он не мог в такое поверить, потому что **БЫЛ** здесь. Ошибки быть не может. Но и спорить с хозяйкой апартамента бесполезно. Ему пришлось с извинениями раскланяться.

В коридоре он напряг память, но по-любому получалось, что Старик однозначно принимал его в этом номере. Не ошибся ли этажом? Нет. Несмотря на эмоции, в памяти ясно отпечатался номер этажа. И всё-таки, без надежды на успех, тщетно прошёлся по другим этажам, чтобы окончательно убедиться, Старик принимал его в апартаментах француженки. Непонятно, как удалось так быстро поменять интерьер. Это не входит в рамки нормального восприятия.

«Мистика какая-то!» - подумал Андрей, и спешно покинул отель.

Что получается? Старик исчез. Значит, Камень придётся оставить себе? Однако, нельзя исключить, что исчезновение Старика вместе с апартаментами обусловлено созданием следующего мира. То, что Камень не пропал, как первый раз, ничего не доказывает. Возможно, на этот раз он превратился, как подтвердили Вадик с Мариночкой, в обыкновенную стекляшку, от которой никакого прока. Но, когда это произойти могло? Возможно два варианта. Либо, новый мир создал Вадик, либо он сам, в тот момент, когда глянул на просвет. Так, в каком мире он живёт? Узнать об этом можно будет только после смерти. В чьих руках окажется Камень в момент возрождения, тот и будет создателем к тому времени безнадежно потерянного мира. А может, он по-прежнему находится в реальном мире, и ничего не произошло? Как это проверить? Снова глянуть на просвет? Но тогда стопроцентно произойдёт создание нового мира. А так? Есть ещё надежда... Андрей отчаянно помотал головой. Можно с ума сойти от таких мыслей.

Он пообещал себе больше не морочить голову парадоксальными загадками, и стал вспоминать прошлое, которое теперь обратилось в настоящее. И воспоминания эти начал с момента катастрофы.

«Отсюда Изабела побежала через дорогу, - вспомнил Андрей. - Я подобрал с асфальта сумочку, и поспешил за ней».

Через дорогу он перебежать не стал, воспользовался подземным переходом. В этом месте он догнал её, вернул сумочку. Дальше шли по проезжей части дороги, но в этот раз ничего не оставалось, как идти по тротуару.

Здесь свернули в парк, Изабела споткнулась, и он поддержал её. Дальше пересекли парк, и вышли на некогда оживлённую улицу. Парк показался короче, чем тогда, но, может, только так показалось. Всё-таки,

время тогда текло по-другому. Он сообразил, что лучше оживлённой улицы в неполюженном месте не пересекать, по тротуару добрался до перехода, и перешёл улицу. И тут его ждал сюрприз. Сколькo ни крутился, вспомнить, в какой переулок свернула Изабела, так и не смог. Ничего похожего.

Андрей вернулся в парк, и стал по-новому определяться. Вдалеке промелькнул трамвай, и память услужливо подсказала, что оживлённая улица, которую они пересекали, имела трамвайные пути. На этой же улице таких путей нет. Значит, ошибся. По другой дорожке прошёл. Даже удивительно, как мог он ошибиться. Так часто воспоминания переносили его в это время.

Андрей пошёл в сторону трамвайных путей, и издалека заметил знакомый силуэт «МакДональдса». Память подсказала, как в этом месте у него кишки скручивало при виде соблазнительных витрин. Но это было уже после того, как они Томека подобрали. А по дороге к дому Изабелы, он не заметил этого здания. Слишком велико было потрясение. Андрей перешёл улицу с трамвайными путями, принял влево, и сразу же нашёл знакомый поворот. Дальше уже без труда отыскал нишу во внутренний дворик, вымощенный плиткой. Никаких сомнений, это точно он, дворик дома Изабелы.

Сердце бешено забилося, и Андрей не стал терзать себя, и поспешно покинул памятное место. Эта часть маршрута изобиловала воспоминаниями об Изабеле, и ничего из предыдущего периода вспомнить не удалось.

Он пошёл дальше. На пару минут задержался около рекламной тумбы, где нашли Томека. Дальше «Макдональдс», и нескончаемые витрины огромных магазинов. Естественно, справа незабываемый силуэт вперившегося в небо Палаца Культуры⁷. Андрей шёл по широкому тротуару, лавируя между многочисленными прохожими, и пытался воспроизвести ощущения того времени. Но сознание, поглощённое мощью огромного города, не подчинялось. Трудно сразу привыкнуть к такому размаху.

В его мире так и не восстановили ни одного крупного города. Нецелесообразно было, да и незачем. Люди успели привыкнуть к малым городкам. А крупные города постепенно разрушались, и хирели. Из Казани, родного города Андрея, жителей вывезли в соседний

⁷ Палац Культуры – самое высокое здание в Польше, построенное в стиле московских высотных зданий, так называемых «сталинок». Построено, как дар советского народа для народа польского.

Зеленодольск сразу после освобождения от бандитов. И в опустевшем городе оставались лишь любители экстрима.

В некоторых крупных городах жители оставили небольшие островки цивилизации. Но численность населения таких островков не превышала пятидесяти-шестидесяти тысяч жителей. Самым большим городом на планете считался китайский город Фучжоу, население которого достигло ста пятидесяти тысяч человек. В России наиболее густонаселенным городом оказалась Тверь, с населением в девяносто пять тысяч душ. Из Варшавы, как ему помнится, местное правительство перебралось в город Прушков, который принял на себя региональные столичные функции. Варшава совершенно обезлюдела, а Прушков превратился в крупный по посткатастрофальным меркам город с населением в шестьдесят тысяч человек.

Но в настоящем мире Варшава просто подавляла Андрея своим величием. Ноги несли мимо огромных домов с многочисленными витринами магазинов, через огромные пространства площадей. Он удивился, как быстро удалось добраться до памятного перекрестка на площади Унии Любельской. Здесь Изабела с Томеком обсуждали, куда идти дальше. Через несколько десятков метров Томек послал его через дорогу за автоматом калашникова. Андрей глянул в том направлении, и увидел часового, который лениво прогуливался около входа в здание. Всё верно.

Дальше маршрут пролегал по улице Пулавской. Но и эта улица навевала посткатастрофальные воспоминания. И ничего из до... Андрей с усилием заставил себя думать о Ларисе, но вместо этого вспомнил Сочи, и могильный холмик с самодельным деревянным крестом. Стало стыдно. Так и не нашлось времени, чтобы навестить могилу жены. «Надо бы, съездить в Сочи», - подумал Андрей, и тут же сообразил, что в реальном мире Лариса не умерла. Она жива, здорова, и отдыхает с детьми на море. И, слава Богу. Значит, возвращение домой не сулит неожиданностей. До возвращения жены с детьми можно достаточно много вспомнить, чтобы не возбуждать подозрений. А вот в Зеленодольск к Виктору с Галиной стоит...

Андрей снова оборвал себя. В реальном мире Виктор живёт вовсе не в Зеленодольске, и не с Галиной. И о приключениях своих слухом не слыхивал. Так что вечера воспоминаний провести с ним не удастся. А, жаль. Много хорошего, и плохого пережили. Сколько же они не виделись? Лет двадцать? Где-то, так. Всё откладывал и откладывал встречу, думал,

успеется. А потом... Потом пришлось в Зеленодольск ехать на похороны. Галина, сухонькая старушка, молча стояла у гроба, опиралась на палочку. И даже не проронила слезы, когда гроб с телом Виктора опускали в могилу. А через месяц не стало также её. Не смогла, не захотела без него. А здесь, поди, они даже не знают о своём существовании. Как всё запутано. На похороны Виктора съехались многие переселенцы. И Алексей с Жанет, и Кирилл с Михасём, и Леонид с Кирой приехали. Были и те, кто вместе с Виктором в Татарстан вернулись, Коля Орешников с Ритой Пахарьковой, и Ольга Аверченко. Были также те, кого Андрей не помнил уже. Подошёл подтянутый мужчина с волосами, слегка тронутыми сединой, и представился:

- Скакунов я, Дмитрий.

Имя ничего не говорило.

- Вы наверно не помните меня. Мне ведь шесть лет было, когда из Казани в Монпрованс увезли. А я всех, как сейчас, помню. И старших ваших, Игоря с Людмилой, и младшего, Криса. Было дело, я ведь даже в Изабелу влюблён был. По-детски, конечно. Когда война закончилась, многие разъехались, кто куда, а я так и воспитывался до пятнадцати лет в Вильфранше. Потом сюда вернулся. Всё-таки, родина.

Казанских малышей, которых вывезли в Монпрованс, Андрей, конечно же, помнил. Только фамилии выветрились. Дим было двое. Один тыкал на левую ногу, другой был здоровым шустряком.

- Ты, которым будешь, тем, кто раненый был, или другим.

- Раненым Димка Вахрушев был. Ему пулей бедро зацепило. Он потом с тёткой Симой в Минск перебрался. В прошлом году навещал нас.

Воспоминания приятно расслабили, но Андрей снова одёрнул себя. Как же так, опять двадцать пять. Все эти воспоминания – посткатастрофальные. А ему пора отрезать их, чтобы не мешали нормально жить. И вспоминать нужно то, что было перед катастрофой.

По левую руку появился костёл. Андрей удивился. Ему казалось, до него ещё далеко. Впрочем, сейчас он налегке идёт, а тогда они еле тащились, нагруженные тяжеленными рюкзаками, с малым дитём на руках. Вот помнится, здесь с Томеком поживились оружием у охранников с тёмно-синего фургона, который ткнулся носом в автобус.

«Всё! - как отрезал Андрей, - теперь думаю только о Ларисе, Ларисе, Ларисе... Ларисе... Стерва эта Лариса!» Андрей даже остановился. «Почему стерва? Почему я назвал её так? Что такого она мне сделала? Ага! Кажется, что-то зацепилось. Так, я делал бизнес, и она... Вспомнить бы, что такого

она мне сделала. Ведь, не из-за бумажек, которые деньгами называются, я был зол на неё».

Андрей принялся усиленно вспоминать о своих взаимоотношениях с женой, но память снова увела в дебри потерянного мира.

Он опомнился, когда, поглощённый воспоминаниями, проскочил несколько кварталов. Через дорогу ясно просматривался вход в метро. В тот день они до станции метро не дошли. Значит, он прозевал поворот к посёлку, который приютил их на ночь. Впрочем, возвращаться назад не хотелось. Да, и зачем? Как объяснить хозяевам цель визита?

На обочине дороги, в ожидании клиентов, дремали таксисты. И, хотя Андрею с того самого смутного времени не приходилось пользоваться услугами такси, о предназначении такси он помнил. Он вальяжно расселся на заднем сиденье, и бросил таксисту сухим тоном большого руководителя название поселка. Таксист взял с места в карьер. Вальяжность Андрея, как смыло. Он вдруг почувствовал себя за рулём мотоцикла. С дороги окружающая местность казалась знакомой. Совсем не так, как с тротуара. Широко открытыми глазами он впитывал в себя пролетающие мимо кварталы.

Наконец, таксист притормозил на въезде в посёлок, повернулся к нему, и спросил, куда дальше. Андрей поблагодарил, собрался покинуть такси, но вспомнил, что надо ещё расплатиться. Таксист невозмутимо отсчитал сдачу, подождал, пока пассажир покинет салон, развернул автомобиль, и дал по газам.

Чистый воздух опьянил Андрея, напомнил воздух уже потерянного мира, и сердце болезненно сжалось. Он несколько раз глубоко вздохнул, и замер на несколько минут.

С волнением Андрей двинулся вперёд, и сразу же заметил изменения, которые произошли в посёлке. Впрочем, если вспоминать первое своё появление здесь, как раз изменений никаких нет. Здесь по-прежнему тихо, и безлюдно, как тогда. Он будто снова вернулся в то время, даже мурашки пошли по коже. Только нет его спутников, нет Изабелы, нет Томека.

В этом месте когда-то с Томеком разметили площадку для вертолёта. А там... Андрей застыл от волнения. За невысокой сетчатой оградой виднеется особняк, весь заросший вьюнковыми растениями. Он медленно подошёл к ограждению, вцепился в сетку, и вперил свой взгляд на двери из морёного дуба, словно ожидая, что сейчас оттуда появится Изабела.

Двери открылись, и на пороге возникла женщина. Как кипятком ошпарило. Вспомнилось, как они с Томеком выносили мёртвое тело этой женщины во двор. Но, чего он ещё ожидал? В этом мире женщина жива.

- Вы, видно, к мужу? - доброжелательно спросила она, и не дождавшись ответа, пояснила: - К сожалению, он будет поздно.

- Нет-нет, - возразил Андрей. - Я по другому поводу.

Женщина сверкнула белозубой улыбкой, и подошла ближе.

- Слушаю вас.

- Как бы вам сказать? - Андрей напряжённо переминался с ноги на ногу. - На хозяйственном дворе у вас немецкая овчарка на привязи. Когда-то у меня была точно такая же. Не позволите побыть несколько минут с вашим псом?

- Я дико сожалею, - развела руками женщина, - наш Скотти абсолютно не переносит чужих людей.

«Значит, Кореша в прошлой жизни называли Скотти», - отметил про себя Андрей, и повторил просьбу:

- Хотя бы, глянуть на него, и всё. Что вам стоит?

Женщина безразлично пожала плечами, открыла калитку, и сделала приглашающий жест:

- Прошу.

Андрей поблагодарил хозяйку, и поспешил на хозяйственный двор. Удивлённая женщина еле поспевала следом. Всё было так, как во времена первого появления здесь. Рядом с хозяйственными постройками нагромодилась мелкая сельскохозяйственная техника, раскосыми разрезами фар пятится «Мерседес», а рядом с амбаром на привязи грозно поводит ушами Кореш, родной Кореш. Сердце Андрея сжалось, и бешено забило. Он не стал сближаться с овчаркой, и еле слышно прошептал:

- Скотти... Кореш.

Пёс вздрогнул, напрягся, заюлил на привязи, и стал нетерпеливо повизгивать. В противоречие со здравым смыслом, он будто узнал голос Андрея, вспомнил его, являя парадокс иных измерений. Вот так номер. В самых смелых фантазиях Андрей такого представить не мог.

Хозяйка тоже изумилась:

- Невероятно. Что вы ему сказали?

- Неважно, - растроганно пробормотал Андрей.

Он и сам до конца не понимал, что произошло. Как могло животное понять, догадаться, что они в совершенно другом мире были вместе? Кореш-Скотти подметает землю хвостом, и преданно взирал на Андрея. И

он подошёл к нему, позволил облобызать себя, спрятал растроганное лицо в густой шерсти своего старого приятеля. Так же, как и прежде. Точно так же, как с Корешем. Да это и был Кореш.

Хозяйка с недоумением взирала, как прежде недоверчивый пёс позволяет чужому человеку обнимать себя, трепать за уши. Она не понимала, какими чарами пришелец укротил прежде грозную овчарку. Что заставило Скотти любезничать с чужим человеком?

- Вы чародей, - поставила она определение увиденному.

Андрей и сам не знал, как назвать то, что произошло. Но почему-то был уверен, что встреча как-то повлияет на будущее. Возможно, что-то изменит.

- Вы должны обязательно дождаться моего мужа, - категорически заявила хозяйка.

Это отрезвило Андрея. Ведь, завтра ему уезжать.

- Вы извините, но не могу, - твёрдо ответил, продолжая тискать четвероногого друга.

- В таком случае мы будем ждать вас на уикенд, - просительно повторила хозяйка.

- Завтра я уезжаю, - как отрезал Андрей.

Женщина восхищённо наблюдала за необыкновенным дуэтом, и недоумевала, как можно после такого проявления чувству ехать. Андрей поцеловал пса в широкий лоб, оторвался, и стремительно пошёл к выходу. Хозяйка, сбита с толку поступком Андрея, поспешила следом.

- Куда же вы?

Андрей вдруг сообразил, что такси уже уехало, а он даже не знает, как добраться до города. Он остановился у калитки.

- Извините, что я так, - смущённо обратился к женщине, - слишком много связано было с этим... Вернее, не с этим, с моим псом. Не подскажете, как добраться до Центра Варшавы?

- Я могу вас подвезти, - обрадовалась женщина.

- Удобно ли это?

- Я как раз собиралась туда ехать.

- Я буду вам признателен, - согласился Андрей.

- Люцина Сковронек, - протянула руку женщина.

- Андрей Меженков, - представился Андрей.

- Как вам удалось приручить нашего дикаря? - кивнула Люцина в сторону хозяйственного двора.

- Всё равно не поверите, - улыбнулся Андрей.

- Если вы с женщинами также... - кокетливо покачала головой хозяйка особняка.

На хорошо знакомом «Мерседесе» они ехали к Центру Варшавы, откуда начинал свой маршрут Андрей. Сама удивляясь своей доверчивости, Люцина уговаривала его в следующий приезд остановиться прямо у них. Муж, по её словам, тоже «против не будет», хотя Андрей этому почему-то сомневался. Он невпопад отвечал новой знакомой, и с волнением предвкушал встречу с Изабелой. Так и решил. Если Кореш-Скотти узнал его, она также почувствовать может, что они созданы друг для друга.

Около «Макдональдса» Люцина повернула направо, и за Центральной Почтой ещё раз направо. Затем притормозила на обочине.

- Мило было познакомиться с паном, - она протянула визитку. - Здесь наши телефоны, и адрес. Я боюсь показаться назойливой, надеюсь, вы также дадите свои координаты.

Андрей ужаснулся. Вот незадача. Своего точного домашнего адреса, и номера телефона он не помнил. Правда, в кармане имелся сотовый телефон, но и этого номера он вспомнить не смог. Как объяснить Люцине? Сознание судорожно заметалось в закоулках памяти.

- Не помните своего номера? - догадалась Люцина. - У меня тоже иногда бывает, особенно с новыми номерами. Вы позвоните на мой номер, и он останется в памяти.

«Действительно, так просто», - обрадовался Андрей.

Он набрал номер Люцины, дождался, пока зазвонит её телефон, и отключился.

- Теперь можете мой номер записать, - улыбнулся Андрей, чмокнул Люцину в щёчку, и покинул автомобиль.

Он ещё не знал, как примет его Изабела, но ретироваться не собирался. Вдруг созрело решение вместе с ней создать новый мир. Мир, в котором значение будет иметь только Любовь. Но не просто Любовь. Любовь безграничная, всеобъемлющая, тотальная Любовь. И в этом новом мире, который он создаст, уже не будет места ни для зла, ни для несчастья, ни для войн.

Андрей решительно подошёл к нише, за которой укрылся дворик дома Изабелы, и нос к носу столкнулся с ней самой. Он едва не задохнулся от неожиданности. На ней были те же самые модные нежно-голубые брючки, что и в день катастрофы. Только вместо полупрозрачной блузки, на этот раз на ней была обыкновенная белая футболка.

Изабела узнала в нём человека, который преградил ей путь неподалеку от отеля «Мариотт», и удивилась:

- Опять Пан?

- Увы, - улыбнулся Андрей.

- Вы меня преследуете?

- О нет, что вы, - смущённо поёжился Андрей. - Если согласитесь выслушать меня, я постараюсь всё объяснить.

- Вы хорошо говорите по-польски, но со странным акцентом.

- Я русский.

- А мне показалось, вы – с запада.

- На западе мне также приходилось жить, - подтвердил Андрей. - Вы даже не представляете, Изабела, насколько важно то, что я вам сейчас расскажу.

- Вот те раз, - удивилась девушка. - Откуда знаете моё имя?

Андрей подосадовал на свою неосторожность. Сразу вспомнил, как сам забеспокоился, когда Старик назвал его по имени.

- Мне трудно в двух словах объяснить, да это неважно. Верите ли вы в сны?

Изабела рассмеялась. Верит ли она в сны?

- Скажете, что я приснилась вам?

- Нет, - качнул головой Андрей. - Этого я утверждать не буду. Ни в каком сне невозможно узнать то, что я знаю о вас. Но не торопите меня. Я только найду нужные слова. Боюсь, вы неправильно поймёте меня. Просто вы очень похожи... на мою Изабелу... Она погибла. Но вы... вы не просто её копия. Вы – гораздо больше... Мне трудно объяснить. Могли бы вы полюбить такого, как я?

Изабела оторопела. Не ожидала такого напора. Могла ли она полюбить этого человека? После предательства Бартека? Только этот на Бартека не похож. Даже полная его противоположность. Чувствуется внутренняя сила, и уверенность безграничная. Могла ли она полюбить такого? Если когда-нибудь это произойдёт, то наверно это будет такой же человек: надёжный, и уверенный в себе. Но он не пришёл к ней за любовью. Он любит неведомую, хотя, и похожую на неё, Изабелу. Изабелу, которая погибла. И видно, любовь эта навсегда. Можно ли посягнуть на святое, занять чужое место? А если это тот, единственный и неповторимый, которого судьба даёт в жизни только раз? Как узнать?

Изабела смотрела на Андрея широко открытыми глазами, и не верила, что это возможно. Вот так: с места в карьер. А она не отталкивает

его, не отвергает. Но почему? Почему в нём всё такое родное? Может, он ей тоже снился? Но когда? Она поедает его глазами, и насытиться не может. Это какое-то безумство. Раньше ей даже в голову не пришло бы такое. Конечно, ей хочется ему сказать: да-да-да! Но вправе ли она? Возможно, не за этим он пришёл? Что он, собственно, хочет? А, может, и неважно, что ОН хочет? Важно то, что ОНА хочет его любить, быть с ним, жить им, и быть любимой? Именно, быть любимой. Но сможет ли он полюбить её?

Она трезво глянула на Андрея. На вид лет тридцать пять, до сорока. Разница в возрасте, конечно, не самое главное, но иногда мешает. Чувствуется высокая внутренняя культура, и образованность, но это также может иногда оказаться препятствием. Прекрасно сложен, физически крепкий, красивый, но и она себе цену знает. Боже! За что такое испытание?

- Я замужем, - неизвестно зачем соврала она.

- Я же говорил, что знаю о вас гораздо больше, чем думаете. Формально вы развелись с бывшим мужем два месяца назад. А фактически уже год вас ничто с ним не связывает. Даже на алименты не захотели подавать.

Изабела испуганно посмотрела на Андрея:

- Вы что, телепат?

- Вас сильно напугала моя осведомленность, - озабоченно поёжился Андрей. - Давайте, договоримся, никаких вопросов. Считайте, я ни о чём не спрашивал, и вы ни о чём не спрашивайте.

- В таком случае, чем же мы с вами будем заниматься?

- Я расскажу вам одну сказочную историю, а вы будете меня слушать. А потом загадаете желание, и я его исполню.

- Вот как, - рассмеялась Изабела. - Только и всего?

- Только и всего, - подтвердил Андрей.

Они прошли в скверик, уселись на скамейке. Андрей достал из кармана кожаный мешочек, и рассказал историю про Старика, который передал ему Божественный Камень. Разница с правдой была лишь в том, что Камень в рассказе был Магическим, и особенностью его было вовсе не сотворение новых миров, а исполнение желаний. Изабела с интересом слушала рассказ, и её не смущала его неправдоподобность. После многозначительной паузы Андрей извлёк из мешочка Камень, и торжественно произнёс:

- Вот он, этот Магический Камень. А теперь, Изабела, ваше сокровенное желание.

Изабелла приняла правила игры, придвинулась к Андрею, взяла его за руку, и мечтательно произнесла:

- Я хочу, чтобы на Земле воцарилась Любовь, чтобы не было больше обмана, предательства, и хитрости. Я желаю, чтобы навсегда исчезли горе, беда, и болезни. Пусть люди перестанут спорить, и убивать друг друга. А над Землёй пусть воцарит Мир, Счастье, и Любовь. Только Любовь, и ничего больше.

Андрей восхитился тем, что Изабеле пришли в голову те же самые мысли, что ему. Они прислонились головами, глянули через Камень на просвет...

ЧЕТВЁРТАЯ ГЛАВА

Почему люди женятся? Вау! Да, разве мало причин, по которым двое влюблённых, или... не совсем влюблённых, и даже вовсе не влюблённых, тащатся в ЗАГС. Кто-то нуждается в неких гарантиях (какие гарантии, друзья???), что выбранные тела будут принадлежать только ему (смех, да и только!!!). Или просто между двумя людьми пробежала искра, врезала где-то под... неважно где (у каждого по-своему) и понеслось, поехало... В жизни столько всего случается, что счастье семейной жизни...

Счастье? Всегда ли так бывает?.. Спросите у тех, кто развёлся, на кой ляд им нужен был брак? Впрочем, сейчас многие, чтобы позже не заморачиваться, предпочитают быть вместе, но не связывать себя обязательствами. Можно ли говорить, что любовь и брак – должны обязательно сопутствовать друг другу? А вот это, как получится.

Можно ли любить, не вступая в брак? Ответ проще простого: такое сплошь и рядом встречается. Любите вы, сколько влезет. Ну, да, а как быть с взаимностью? То-то и оно. Спросим по-другому. Можно ли любить с взаимностью без вступления в брак? Да, всегда пожалуйста. Любите вы, и не связывайте себя обязательствами, не загоняйте себя в рутину, от которой только головные боли, и нервы.

А если поставить вопрос иначе? Почему люди в какой-то момент времени вдруг настолько сильно начинают друг в друге нуждаться, что не могут обойтись без создания семьи? Это и есть, ни любовь, ни влюблённость, а совершенно иное чувство – привязанность. Вы связываете себя с кем-то узами брака, и не важно, любите ли вы, просто ли нравится вам человек, или существует какой-то иной расчёт. Да, хотя бы

материальный. Например, чтобы не оказаться за бортом при разделе наследства партнёра.

Проще говоря, каждая семья – это совершенно уникальный организм, в котором сочетаются невообразимое количество улаживаемых, и не слишком, конфликтов интересов её участников. И снова навязывается неизбежный вопрос: нужно ли вам это?

Так, или примерно так, рассуждают только те, кто никогда не сумел создать свою семейную идиллию. Томек Ковальски из числа тех, кому это без труда удалось. Никаких конфликтов. Моника сказала, Томек сделал. А если желания Моника оказывались невыполнимыми, Томек обещал исполнить их в будущем. И никаких конфликтов. Настоящая идиллия.

Мечты... Мечты... Хотелось, чтобы было именно так. Никаких конфликтов. Но фактически день, как обычно, начинался с перебранки. Будильник вечно срабатывал с опозданием, и Моника с Томеком сыпали обвинения в адрес друг друга, поспешно собираясь на работу. Как и сейчас.

- Даже будильник завести нормально не можешь.

- Сама заводи. Куда носки подевались?

- Куда-куда... В стирке. На полке возьми свежие.

- На какой полке?

- Конечно, он даже не знает, где его вещи лежат, - яростно всплеснула руками Моника. - В шкафу на полке. Почаще мотайся по командировкам, даже адрес свой забудешь.

Томек дар речи потерял.

- Да, благодаря моим командировкам, - возмущённо напомнил он, - ты скоро в нормальном доме жить будешь, а не в этой задрипанной конуре.

- Ты нашу квартиру назвал конурой? - взвинулась Моника, и наскочила на мужа.

Томек озадаченно отстранился:

- Ты же сама её так называла.

- Я её так называла?.. Ну, называла. А ты рад.

- Мне всё равно, - в своё оправдание примирительным тоном сказал Томек. - Если не хочешь, не будем покупать дом. И правда, зачем нам дом? Детей всё равно нет.

Моника даже подскочила на месте. Она выпучила глаза на мужа, и вопрошающе произнесла:

- Так, ты меня упрекаешь?

- И не думал, - запротестовал Томек.

- Нет, ты меня упрекаешь, - разрыдалась Моника.

Томек привлёк её к себе, и принялся целовать в лоб, щёки, шею. Моника расслабленно отдалась поцелуям, затем поддалась порыву, и потянула мужа к дивану.

- Постой, - напрягся Томек. - Как же, работа?

- К чертям, - как отрезала Моника. - Позвоним начальству, отгула возьмём. Или ты не хочешь меня? Нет, ты только скажи, что не хочешь. Ну, говори же.

Она посмотрела на него развратными глазами изголодавшейся девственницы. Она всегда так смотрела, когда у них доходило до этого. И за этот её взгляд Томек прощал Монике все капризы, и все её чудачества. Она умела привораживать взглядом. Томек покорился неизбежному, принялся срывать одежду с жены, и покрывать поцелуями вибрирующее тело.

Потом они долго лежали, и наслаждались распалённой наготой. Томек попытался вспомнить, успели ли они взять отгула, и долго удивлялся, услышав заверения Моника, что отгула они взяли. По её словам выходило, что они преуспели даже в очередной размолвке, пытаясь друг друга опередить в борьбе за телефонную трубку. Правда, после того, как вопрос с отгулами решился, словесная размолвка плавно перешла в любовную баталию, и Томек потерял ощущение реальности происходящего.

Как всё-таки хорошо не спешить никуда. Лежать рядом с любимой женщиной, которая, к тому же, является собственной женой. Мечтать о будущем, которое, благодаря любимой, каждый раз приобретает иные очертания. Сегодня она уже не настаивает на покупке дома, а просит сделать ремонт в собственной квартире. И невдомёк ей, что такой ремонт вытянет уйму средств, и придётся опять откладывать на неопределённое время покупку собственного дома. Конечно, можно на это взять кредит в банке. Но здесь Томек на смерть стоит. Пусть другие в долги влезают. Вот заработает ещё чуток, и купят они дом. Совсем чуть-чуть поднапрячься осталось. И зачем этот ремонт нужен? Можно и без него обойтись. Тем более, после предыдущего четырёх лет не прошло. Загадочные существа – эти женщины.

Стычки и размолвки с Моникой вошли уже в привычку, и без этого было бы даже скучно. Как раз такая жизнь Томеку казалась гармоничной. Впрочем, как и Монике. Но сейчас Томек не желал раздувать углей,

готового разгореться с новой силой спора. Он прикрыл глаза, и притворился спящим.

Монику обмануть не удалось. Она толкнула его в бок. И стала настойчиво его выпытывать о чувствах к ней. Томек ещё какое-то время философствовал на тему их собственных семейных отношений, но незаметно для себя уснул. По-настоящему уснул. Моника по привычке закинула на него свои ноги, и размеренно посапывала рядом. Томек проснулся, и почувствовал страшную сушь в горле. В голове какая-то бурда творится. Спать больше не хотелось. И день, поди, уже в полном разгаре.

Стараясь не разбудить жену, он выпростался из-под её ног, осторожно поднялся с кровати, и на цыпочках прошёл на кухню. Из холодильника достал бутылочку пива, скрутил пробку, и жадно глотнул из горлышка. Ощущение сухости во рту пропало, но в голове по-прежнему чувствовалась мешанина. Томек сделал очередной глоток, и отставил бутылку. Мысли наплывали одна на другую, и никак не удавалось сосредоточиться. Томек потёр виски ладонями, прошёл в ванную комнату, и подставил голову под кран. Холодная вода взбодрила, сняла тяжесть с головы, освежила.

Он обтёрся полотенцем, и принялся рассматривать в зеркале своё обветренное лицо. Выглядело оно утомлённым. Последнее время приходилось частенько работать сверхурочно. Вроде бы острой необходимости в таком режиме работы не было, но с начальством не поспоришь. С тоской Томек вспомнил времена, когда в составе вертолётной эскадрильи испытывал восторженное чувство полёта на винтокрылой машине. Как же сейчас этого не хватает. Он чудом вышел целым после катастрофы, но медики излишне перестраховались, и отстранили его от полётов. Возможность восстановиться в прежней должности ещё оставалась, но начальство настояло на переводе в Министерство.

Будь он неладен, этот перевод. Работа в Министерстве, пусть считается более престижной, в смысле отношения к ней знакомых с родственниками, ни в какое сравнение не идёт с прежней службой. Но протестуй, не протестуй, «поздно пить боржоми, когда почки отвалились», как говаривал грузинский друг Гия. С начальством не поспоришь. Зато для Моника перевод в Варшаву стал желанным событием, который наполнил её гордостью за мужа. Как всё-таки по-разному они оценивают одно и то же событие. Впрочем, это нисколько не мешает в совместной жизни. Они

привыкли к вечным компромиссам. А, может, это он привык к компромиссам? И правда, уступала ли в чём-либо Моника? Вспомнить такого не удалось. Но размышлять над этим фактом не хотелось. Он присмотрелся к еле заметному шрамику на левой нижней челюсти. След от аварии на мотоцикле. Это было в юности, но тогда Бог миловал. Да. До трёх раз – искусство⁸.

Уединение прервала растрёпанная Моника. Она появилась на пороге ванной комнаты, скрестила руки на груди, и привалилась к косяку.

- Красавчик, - по-своему поняла любование супруга в зеркале.

- Не жалуюсь, - с усмешкой согласился Томек.

Взгляд Моника скользнул туда, где на месте отклеившейся кафельной плитки красовался квадратик голой стены. Томек проследил за взглядом жены, и понял, что его ожидает очередная размолвка. По лицу Моника промелькнула волна недовольства, руки соскользнули с груди, и агрессивно упёрлись в бока.

- Понял я, понял, - примирительно пробормотал Томек. - Вечером подклею.

- Конечно, подклеить можно, - ехидно промолвила Моника. - Только через неделю другая плитка отпадёт. Капитальный ремонт делать надо, а не подклеивать. Да, разве ты видишь? Скоро на работе на ночь будешь оставаться. Что тебе квартира? Небось, и я лишь для того нужна, чтобы носки с трусами стирать, рубашки с брюками гладить, да, завтраки с ужинами готовить.

- Рубашки с брюками я до сей поры сам... - попытался было возразить Томек, но разъярённая жена оборвала его.

- Разве в рубашках дело? Дело в принципе. В принципе...

Она замерла на мгновенье, расплылась в улыбке, и к большому недоумению Томека закончила:

- Ты у меня самый лучший, самый прекрасный, самый желанный муж. Пойдём скорей, я вся горю от нетерпения...

ПЯТАЯ ГЛАВА

Генерал Ковалёв сухо козырнул на прощание с полковником Трущинским. Полковник ответил без излишнего подобострастия. Они

⁸ Do trzech raz – sztuka – польская поговорка, соответствующая русскому «Бог троицу любит».

слишком давно были знакомы друг с другом, чтобы убеждать друг друга в дружеском расположении. Генерал считал полковника высокомерным дилетантом, а полковник считал генерала карьеристом, и ни один из них убеждать в обратном друг друга не собирался.

Никогда Ковалёв не стремился взбираться по карьерной лестнице, чтобы занять место под солнцем, но это произошло независимо от его устремлений. Несомненно, карьере помог природный максимализм, и доля везения. Даже сейчас, после сдачи отчёта, когда наконец-то можно в отпуск уйти, его как пить дать ждёт новое назначение. Об этом успели намекнуть свои люди из Генерального штаба. Что же, очередная, и вполне конкретная причина для завистников считать его карьеристом.

Салим, водитель генерала, услужливо открыл дверь уазика. Он дождался, пока тот займёт своё место, и мягко прикрыл дверь. Затем юрко обежал вокруг автомобиля, и занял место за рулевым колесом. Более полугода он возил генерала, и знал все его привычки. Они оба понимали друг друга с полуслова.

Салим провернул ключ зажигания, и в ожидании команды глянул на шефа.

- Едем, - кивнул Ковалёв.

- Как обычно, или спешить некуда? - удостоверился Салим.

«Спешить некуда» – это езда по правилам, а при «как обычно» Салим гнал на своё усмотрение. Тут учитывались, как возможности автомобиля, так и дорожная ситуация.

- Как обычно, - разрешил генерал.

Салим хмыкнул с удовлетворением, и дал по газам. Конечно, Уазик, не Ландровер, но Ковалёв предпочитал отечественные марки зарубежным внедорожникам. Так что приходилось выжимать из авто все соки.

Генерал откинулся на спинку кресла, и под убаюкивающий звук двигателя впал в полудремоту. В этом состоянии мысли стали постепенно ускользать из-под контроля, и обретать форму размышлений о любви. Что за насмешка. Сто лет об этом не размышлял. И вот, пожалуйста.

«Любовь – это истинный дар небес, проявление эмоций высшего порядка, и эманация света. Любовь – это восторженное излучение самого Солнца. Солнце! Оно разгорается всё больше и больше. Оно раздувается, словно, воздушный шар»...

Неожиданно солнце взорвалось, и на его месте появилась светящаяся человеческая фигура. Когда глаза привыкли к свету, светящийся человек заговорил:

- Человеческая цивилизация в опасности. Надвигается тотальная эпидемия любви. Большинство жителей планеты, заражённые любовью, потеряют чувство самосохранения, и для них это может скверно кончиться. Придётся тебе, генерал Ковалёв, собрать уцелевших военнослужащих, вооружение, и военную технику в одном месте. А главное, найди союзников во имя спасения человечества. И это будет твоей главной миссией, Юрий Сергеевич.

Свет ярко вспыхнул, и всё исчезло. Ковалёв проснулся.

«Что за чёрт, - в ошеломлении подумал он. - Приснится же такое. И что бы это всё значило? Ишь ты, человечество в опасности. Оно давно в опасности. Террористы, политики, банкстеры, и прочее жульё... Ладно, живы будем, не помрём».

- Шайтан их побери, что творят, - чертыхнулся Салим в сторону автомобиля, который обогнал их, виляя по дороге из стороны в сторону.

- Лихачи, - хмуро проворчал Ковалёв.

- Наркоманы обдолбанные, - высказал догадку Салим.

Автомобиль перед ними заюзил, вылетел с дороги, несколько раз перевернулся, и улетел в придорожные заросли. Салим дал по тормозам, свернул к обочине, и выскочил наружу. Ковалёв поспешил следом. Они бросились к искорёженному автомобилю.

Разбитый тарантас выглядел ужасно. Водителя придавило смятой крышей. Салим опустился на колени, и через разбитое стекло дотянулся до его шеи.

- Поздно, - разочарованно пробормотал он.

- В ГИБДД позвонить надо, - поморщился Ковалёв.

- Ая-я-я-яй, - жалостно пробормотал Салим.

Он поднялся с колен, и стал тщательно отряхивать штаны. Ковалёв наклонился, и заглянул внутрь салона. Больше никого в автомобиле не было. Тут же продолжительный автомобильный сигнал на дороге заставил их обратить на себя внимание. По шоссе мчалась переполненная газелька, и её пассажиры выражали радость выкриками.

- Это что, слёт наркоманов, - удивился Салим, - или наша сборная у бразильцев выиграла?

- Ничего такого, - удивлённо пожал плечами Ковалёв.

- Тогда что?

Генерал нахмурился. Что можно сказать по-поводу происходящего на дороге карнавала? Ответа не было. Вдруг он ясно услышал рёв двигателей самолёта.

- Постой, - насторожился генерал.

Странно, аэродромов поблизости нет. Но самолёт явно идёт на посадку. И точно. Из-за деревьев вынырнул огромный Боинг, и тут же обрушился брюхом на шоссе. Земля вздрогнула от удара многотонной машины. Самолёт покатился прямо на них, сметая всё со своего пути, и разбрасывая по сторонам дорожное полотно. Ковалёв кинулся на Салима, и сбил его с ног. Они вместе повалились в ложбинку, которая на счастье оказалась поблизости. Обдавая жаром, машина буквально продралась рядом с ними. Резкий запах керосина неприятно защекотал в носоглотке, и вызвал надрывный кашель.

Как только скрежет самолёта о дорожное полотно прекратился, они поднялись. Дороги было не узнать. На всём протяжении валялись горящие обломки самолёта, и искорёженные куски металла. Они заметили, что обломки Боинга пропахали всю дорогу, и заодно смахнули автомобиль «наркомана», с их уазиком.

Растерянно всплёскивал руками, Салим отчаянно откашливался, и повторял одно слово:

- Блин... блин... блин.

- Что за дьявол? - сквозь зубы процедил Ковалёв, и вдруг вспомнил своё странное видение. Он недовольно поморщился, и опустошённо пробормотал: - Странная любовь, однако. Но нам с тобой дико повезло. Если бы не наркоман, раздавил бы нас самолёт.

- Апокалипса какая-то, - с трудом выдавил из себя Салим, и стал ошеломлённо озираться по сторонам.

Ковалёв выразил согласие с ним покачиванием головы. Салим проворчал что-то по-своему, и двинулся в сторону останков своего автомобиля.

- Ты куда? - окликнул его Ковалёв, и стал отряхиваться от пыли.

- Посмотрю я, может что-то осталось, - пояснил водитель.

- Что-нибудь ценное?

- Да, так, по мелочи, - пожал плечами Салим.

- Брось ты, - поморщился генерал. - Не видишь? Ничего там не осталось. Надо отсюда выбираться.

Салим поёжился, бросил жалостный взгляд в сторону груды металла, где едва угадывались останки искорёженного автомобиля, который заставил их вовремя удалиться от опасного места, и вполголоса пробормотал:

- Да, товарищ генерал, спас нас наркоман.

- Факт неоспоримый, - хмуро подтвердил Ковалёв. - Если бы ты не затормозил, писец нам наступил бы, причём полный.

- Аномальная зона какая-то, - покачал головой Салим. - Не много ли для одного места? Прямо в эпицентр попали.

Ковалев кивком подтвердил согласие, и взял себя в руки. Теперь нужно было быстро действовать. Он решил координаты падения самолёта сообщить в МЧС. Ковалёв достал из кармана мобильник, и набрал номер. Из трубки послышалось:

- Дежурный по штабу майор Викулов слушает.

- Майор, срочно сообщите в МЧС...

- Пытался дозвониться, - нетерпеливо перебил Викулов, - и в МЧС, и в МВД, и даже в сумасшедший дом.

- Какой сумасшедший дом? - рассердился Ковалёв. - Ты что, майор, выпил? Это я, генерал Ковалев.

- Товарищ генерал, я вас узнал. И с удовольствием напьюсь, когда очистят штаб от этих дебилов.

- Каких таких дебилов? - опешил генерал.

- Содом и Гоморра здесь творится, товарищ генерал, - пояснил майор. - Вроде как всеобщая любовь вдруг всем в голову ударила. Срам, да и только.

Ковалёва, как кипятком ошпарили – опять любовь.

- Уточни.

- Докладываю. Наблюдаю в штабе неадекватное поведение личного состава. Не штаб, а филиал гей-парада. Сейчас звоню в МЧС, МВД, и в сумасшедший дом. Ни с кем связаться не удаётся.

- Понятно, - растерянно пробормотал Ковалёв, хотя, вряд ли рапорт дежурного что-либо прояснил. Скорее, ещё больше запутал. - Здесь на трассе самолёт разбился, - с досадой выдохнул он в трубку.

- Как не вовремя, - жалостливо прокомментировал сообщение дежурный по штабу. - Наверно, всех на поиски кинули.

- А ты, майор, всё-таки дозвонись, и сообщи им, что самолёт на трассу Эр сто пятьдесят восемь свалился. И наведи к моему возвращению порядок в штабе.

- Есть, товарищ генерал, - отчеканил майор.

- Есть, пить, - с недовольством проворчал Ковалёв, и отключился.

Трудно укладывалось в голове то, что он услышал от дежурного по штабу. Кошмарный сон наяву. Он набрал следующий номер.

- Полковник Савушкин слушает, - отозвался голос в трубке.

- Рад слышать тебя, Пётр Михалыч, - обрадовался Ковалёв. - У меня тут неприятность произошла. Гражданский самолёт упал, и всю трассу пропахал, когда я от Трущинского возвращался. Чудом спаслись с Салимом. Не в службу, а в дружбу...

- Понял, Юрий Сергеич, - перебил полковник. - У нас тоже не сладко. Весь личный состав с ума сошёл.

Ковалёв опешил:

- И у вас тоже?

Полковник объяснил:

- Насколько я понял, везде такое творится.

Переварить услышанное для Ковалёва оказалось не просто. Он переспросил:

- Везде – это... ?

Полковник ответил:

- У нас в Муллино, Юрий Сергеич. И в Нижнем тоже.

- Вертушку прислать сможешь?

- Ветроганов тут у меня. Сейчас отправлю.

- Спасибо, Пётр Михалыч, сочтёмся. Бывай там.

- И вы держитесь, Юрий Сергеич.

Ковалёв отключил телефон. Он озадаченно глянул на Салима, который в ожидании топтался на месте, и махнул рукой в сторону неповреждённого катастрофой участка дороги.

- Валим отсюда. Здесь больше делать нечего.

Он пружинисто зашагал, Салим засеменял следом. Там, куда они направились, в месте первого касания дорожного полотна Боингом, понемногу скапливались автомобили.

- Чего это они? - удивлённо спросил Салим, разглядев через прищур своих раскосых глаз оргию, которую организовали пассажиры скопившихся автомобилей. Он пробормотал с недоумением: - Чему они радуются? Сумасшедший дом какой-то.

- Сумасшедший дом, - согласился Ковалёв. - Только почему эта хренота нас не затронула?

Салим выпучил на генерала глаза:

- Мы на землю упали.

Ковалёв не стал объяснять ему, что падение на землю самолёта вовсе не причём. Хотя, он и сам не догадывался о причине неадекватности большого количества людей, он уже понял, что не только в Нижнем и Муллино люди с ума посходили.

«Чёрт возьми, - яростно подумал генерал, - надо Трущинского предупредить».

Он нервно набрал номер полковника, но услышал лишь безответные гудки. Так и не дождавшись ответа, набрал номер дежурного по части, руководимой полковником.

- Дежурный по части старший лейтенант Старыгин, - отозвался уверенный голос.

- Ковалёв на линии, - сухо представился генерал. - Полковника Трущинского срочно найди.

- Полковник Трущинский, товарищ генерал, - замялся дежурный по части, - в неадекватности.

- Влюблённый что-ли? - догадался Ковалёв.

- Так точно.

Вот тебе и на. Самое страшное подтвердилось – повсюду сумасшествие. Тотальное сумасшествие. Что делать? Кто-то применил психотронное оружие? Иначе, как всё это объяснить? Или... Или это инопланетное вторжение? Но... разве такое возможно? Если исходить из адекватной логики, видимо нет. А если всё-таки произошло? От такой догадки спина Ковалёва покрылась холодным потом. Что можно противопоставить неизвестной сверхцивилизации, способной без применения силы, без боевых действий так просто подчинить себе всё человечество? Как защищаться от такого врага? Сразу не понять. Но любому, нужно там, где можно, срочно брать ситуацию под свой контроль.

- Старыгин, назначаю тебя командующим гарнизоном, - твёрдым голосом приказал Ковалёв. - Объявляю мобилизацию личного состава гарнизона, всех, кто ещё остался с ясным разумом. Я приказываю провести очистку территории воинской части от всех неадекватных, и собрать как можно больше нормальных жителей города. Оружие применять только в случае угрозы жизни и здоровью.

- Слушаюсь, товарищ генерал, - отчеканил дежурный по части.

- И действуй, исходя из обстановки. До связи.

Ковалёв отключился, и яростно взлохматил волосы на голове. Салим прокашлялся, чтобы обратить на себя внимание.

- Я что-то не пойму.

- Я тоже, - признался Ковалёв. - Будем по ходу дела разбираться.

Салим приглядывался с жалостью к группе людей, к которой они приближались.

- Они больные, что ли? - спросил он.

- Как видишь.

Ковалёв набрал номер дежурного по штабу:

- Дежурный.

- Так точно, товарищ генерал, - откликнулся дежурный по штабу, и после заминки сообщил: - Этот идиотизм везде творится.

Ковалёв согласно качнул головой:

- Я уже понял.

- Весь мир с ума сошёл.

- Весь мир? Ты уверен?

- Да. Совершенно точно известно. Это повсеместно.

Приговор миру укрепил подозрение, что это дело рук инопланетян. Ковалёв спросил:

- Кроме тебя в штабе есть кто-нибудь нормальный?

- Так точно. Подполковник Мельников, старший лейтенант Джураев, два солдата из караула, и двое посторонних, гражданский с омовцем.

- Подполковника назначаю командующим гарнизоном, - отдал приказ Ковалёв. - Пусть займётся мобилизацией личного состава, который не затронула болезнь. Старшему лейтенанту поручаю очистить штаб от неадекватных личностей, а тебе, майор, поручаю организовать охрану штаба, и подготовить к эвакуации секретные документы.

- Есть, подготовить к эвакуации секретные документы.

- Особое внимание обрати на хранение оружия, и боеприпасов.

- Есть, товарищ генерал.

- Ты держись, там, - мягко напутствовал Ковалёв дежурного по штабу, и отключился. Затем повернулся к Салиму, и добавил: - Штаб спасательной службы разместим в Аэропорту Стригино.

Салим не сдержал удивления:

- Почему в Стригино?

- Туда удобнее стягивать боевую авиацию, и другую технику. Как только на место прибудем, ты сразу за дело берись. Парочку крепких парней подбери, фуру подходящую, и дуйте на склады. Всё, что пригодится для военных действий, переправляйте в Стригино.

- А как же вы?

- За меня не беспокойся. Я соберу боевой кулак, и потом будем держать оборону.

- От кого? - растерянно сморщился водила.

- Знать бы, от кого, - проворчал Ковалёв. - Разберёмся потом... Или они с нами разберутся.

Они приблизились к толпе радостных пассажиров, которые успели распалиться в любовном угаре, и срывали друг с друга одежду. Затем выцепили взглядами тех, кто взирал на всё с недоумением, и даже страхом. Хотя, таких было немного. Среди них заметили крепкого телосложения парня с длинными вьющимися волосами, который держал за плечи извивающуюся в любовном устремлении девушку.

- Жаль парня, - глубокомысленно заметил Салим. - Кажется, он нормальный.

Ковалёв неуверенно подтвердил:

- Кажется, нормальный.

- Позвать?

Генерал ответил не сразу.

- Пустое это, - пробормотал он задумчиво. - Видно, это его девушка. Не оставит её.

- Посмотрим, - прищурился Салим, ускорил шаги, и подошёл к парню.

- Слышь, брат, оставь её.

- Пошёл ты, - услышал в ответ.

- Как хочешь, - пожал плечами Салим. - Только бесполезно это.

- А тебе какое дело? - огрызнулся парень.

- Мне? - Салим яростно поиграл желваками. - Тебя, брат, жалко. Она же безнадежно больная.

- Проваливай! - как отрезал парень.

Салим набычился было, но вдруг понял, тут не напором, и не просьбами надо, а хитростью. Он повернулся к молоденькой девушке с собачонкой на поводке, которая жалостливо взирала на него, и вдруг громко выпалил:

- Алё, все слушать сюда. У кого мозги на месте, идёмте с нами. Надо сваливать отсюда.

В ответ парень зло прорычал:

- Куда сваливать? Не видишь, что с людьми творится?

- Везде такое творится, - насупился Салим. - Во всём мире. Короче, кто с нами, выходи строиться.

- Разбежались, - проворчал парень, продолжая усмирять любовные устремления своей девушки.

К Салиму подошла заплаканная девчушка лет десяти, и спросила:

- Дядя, скажите, почему папа с мамой так себя ведут?

Салим молча погладил её по головке. Откуда-то вынырнул лохматый кавказец, и спросил:

- Что делается, скажи. *Почему?*

Салим оживился:

- Я же вам дело предлагаю. Не просто так. То, что здесь с людьми случилось, это только первая стадия болезни. Потом они все превратятся в зомби.

Парень вздрогнул, и неожиданно прытко отпрянул от девушки. Остальных предупреждение Салима также ошеломило. Ковалёв мысленно оценил находчивость подчинённого, и подыграл:

- У нас мало времени. Кто готов, предлагаю уходить с нами.

И люди потянулись к генералу. Детишки, нахохлившись, сверлили его недоверчивыми, испуганными взглядами. Взрослые смотрели с укоризной, будто именно он, генерал, виноват в том, что произошло. Сразу посыпались вопросы:

- Что происходит? Кто это сделал? Кто виноват?

Генерал Ковалёв жестом остановил вопрошающих, дождался тишины, и просто ответил:

- Мы ещё не знаем, во что всё это выльется. Я надеюсь, до самого страшного не дойдёт, но на всякий случай давайте держаться вместе. Когда поймём что к чему, тогда разберёмся, как с этим жить.

- Генерал дело говорит, - поддержал Ковалёва лохматый кавказец.

Генерал окинул слушателей оценивающим взглядом, и подвёл черту дискуссии:

- Сейчас прилетит вертолёт, предлагаю всем вместе отправиться в Стригино.

- На всех мест не хватит, - подсказал Салим.

Генерал и сам понимал, что Ми-восьмой не резиновый. Но бросать людей не хотелось. На дороге стоял покинутый пассажирами автобус. И он предложил:

- Давай, Салим, бери автобус, детишек с женщинами с собой захвати, и в Стригино гони. А я с мужиками туда на вертушке отправлюсь. Работы у нас теперь непочатый край.

Продолжение романа в полной версии (Пролог, 45 глав и Эпилог), можно приобрести в [интернет-магазине PARROSLAB](#)

2004 - 2006
Варшава

Е-книги Владимира Филиппова доступны на [персональном сайте](#) *Vladimir Filipov*

Предлагаем также познакомиться с **музыкальным творчеством** Владимира Филиппова.

Владимир Филиппов
ЛЕКАРСТВО ОТ ЛЮБВИ

Демо-версия фантастического романа
Продолжение фантастического романа **ИЗБРАННИК**
В полной версии (Пролог, 45 глав и Эпилог)

Размер 2,17 Мб ; 48 стр
Издание четвёртое: 2486A9453A0A42AD-pdf

Copyright **Parrosiab Group** © 2020
All Rights Reserved